
ПУБЛИЦИСТИКА ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Владимир Трусов

(г. Мончегорск Мурманской области)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТЕХ, КТО «ЗА КАДРОМ»

(заметки о творчестве Александра Воронина
и Вениамина Слепкова)

Член Союза писателей России, заведомо критики и литературоведения журнала «Приокские зори».

Казалось бы, ну как можно оставаться «за кадром» в литературе? Согласен, условность заголовка налицо, однако же... Однако же все с ним в порядке. Правильный заголовок, и вот почему. В любой отрасли человеческой жизнедеятельности (б-р-р... ну и сказанул... канцелярией пахнуло...), тем паче в творчестве любого рода, а значит, и в литературе, полным полно пылких, а скорее дымных, и весьма деятельных представителей, пребывающих постоянно у всех на виду, оттого весьма громко, с пристрастием, обсуждаемых, восхваляемых или осуждаемых, что, собственно, не важно, ибо антиреклама — лучшая реклама, и в итоге создающих иллюзию собственной художественной или, если угодно, творческой значимости, весомости и актуальности. Однако же... Однако же ближайшее рассмотрение подобной «личности» и всего того, что произвел на свет сей деятель от литературы, рождает ощущение мыльного пузыря. Точнее сказать, стойкую убежденность, что очередная провозглашенная «гора» произвела на свет очередную, хоть и объявленную выдающейся, но «мышь». (И речь-то вовсе не о записных графоманах, люди, упомянутые выше, обладают явным дарованием, однако расходуют означенное... увы... то наболтав черте чего, аж яичница божьим даром кажется, то сюжет сколотив,— нарочно, извините, с похмелья лютого, не придумаешь, то вдруг озарив читателя блестящей, с псевдопатриотическими инспирациями, аналитикой, явленной на основе разброда и шатаний обезличенных и лишенных права мыслить героев). Впрочем, мы сами же и виновны более всего в подобных кунштюках. Не надо объявлять каждого второго гением, а каждое третье изданное шедевром. Ведь есть абсолютно добротная, отлично написанная литература. Не гениальная, но свою задачу выполняющая. Например задачу постепенного формирования у начинающего читателя хорошего вкуса, способности мыслить и анализировать, понимать подтекст, да мало ли что еще. А тут... Гений! Ура! Новый Чехов! Откровение! Так еще никто не пи...). И самое печальное, что сие явление абсолютно, порой, не зависит от всяческих там званий, рейтингов и прочих лавров. Ни-

чего не попишешь (да что же такое, то штампом согрешил, а теперь вот каламбур выскочил), все на продажу, все теперь «шоубиз» и его окрестности. Однако же...

Ладно, порезвились и будет. Кстати говоря, я вовсе не бездумно тут эквилибром согрешил, цель моя чуть позже и вам станет вполне ясна. А будет, граждане, вот что: есть в нашей сказочной стране прекрасный город Петрозаводск, столица неповторимой Карелии. В Петрозаводске вот уже без малого восемь десятков лет выходит литературно — художественный журнал «Север» — безусловный флагман литературной периодики Северо-Запада России, и вообще, один из самых заслуженных и маститых толстых литературных журналов страны. Опубликовать свои произведения на страницах такого издания весьма почетно, и, на мой взгляд, просто необходимо любому серьезному и профессионально относящемуся к творчеству северному литератору. Но журнал это не только его авторы. Журнал — это прежде всего люди, его создающие и выпускающие, его редколлегия. И мне очень приятно заявить со всей ответственностью, что «северяне» — люди глубоко профессиональные, одаренные и дело свое любящие. «Северяне» отнюдь не фамильярность с моей стороны, я действительно хорошо знаю эту команду, возглавляемую очень сильной поэтессой Еленой Евгеньевной Пиетилайнен, мы неоднократно бывали в совместных творческих поездках, выступали на одних сценах, и к тому же мне посчастливилось войти в круг постоянных авторов журнала... Что? Вот я и попался? Каждый кулик свое болото... Протексион... Мол, похвалишь лишний раз, авось еще что-нибудь опубликуют, вирши там або статейку... Ну-ну, можете, кому охота есть, сколь угодно злобствовать. Я лишь замечу, и меня поддержат мои коллеги — земляки, что в «Севере» никого «познакомству» не печатают. Публикация на его страницах тем и дорога, что абы кому и ни по какой протекции не достается, да и вообще творчески очень непроста, ибо желающих напечатать свои «труды» очень много, а место в журнале, естественно, ограничено. И хватит об этом. А «северяне» требовательны прежде всего к самим себе. Оттого и «планка» в журнале установлена высоко, и репутация у него соответствующая. Кроме того, большинство представителей редколлегии — активно пишущие поэты, прозаики, публицисты. Именно они и относятся к частенько остающимся «за кадром», поскольку в силу профессиональной этики не могут «себя любимых» выставлять напоказ, в ущерб прочим авторам журнала. Время от времени, если сие оправдано нуждами составления очередного номера, произведения их появляются на страницах «Севера», но... Порой и читателям, и в особенности начинающим авторам, удостоенным в силу объективных причин публикации в маститом издании, неплохо бы иметь представление о «творческом лице» тех, кто остался в тени, «за кадром», как кому угодно...

Итак, знакомьтесь: Александр Воронин, поэт, заведующий в «Севере» понятно каким отделом.

*В этой жизни я мало умел,
Презируя любую науку,
Лишь доспехами праздно гремел
И тревожил ночами округу
В этой жизни я мало успел,
Только в старом заброшенном доме
Пару песен непрошенных спел
И, счастливый, уснул на соломе.*

Александр Воронин по рождению почти петербуржец, ибо его родная Гатчина ныне уже ближний пригород северной столицы, однако школьные его годы прошли в

Краснодаре. А далее — Ставропольское высшее военное инженерное училище связи и служба в РВСН... и вдруг резкий поворот: на шестом году офицерства увольнение в запас и через год поступление в Литинститут им. А. М. Горького в мастерскую Николая Старшинова. И вновь... «Может быть, до сих пор еще числится студентом второго курса...», — так говорится о завершении этого периода жизни поэта в небольшом послесловии его второй книги стихов «Круговорот», вышедшей в 2000 г. в петрозаводском издательстве «Периодика». Отставной офицер и вечный студент... Завидные ипостаси? Не спешите ответить категорично, чтобы узнать, каковы они, нужно, как минимум, попробовать в оных оказаться.

*Ежеминутно белкой в колесе
кручу турбину однотипных дней...
Достойны счастья все, судьбы — не все.
Но если есть она, что делать с ней?*

*Счастливы, не владевшие судьбой,
поладившие с миром и с собой,
смирившие в душе свое желанье
своим законом мерить каждый час.
Им избежать растленья и закланья,
депрессии нейронов, слов и глаз.*

В результате судьба привела Александра в Петрозаводск, где в 1997 г. вышел первый его сборник «Метаморфей». Кстати, именно с этого стихотворения, а точнее с одноименной песни, музыку к которой написал известный бард Александр Софронюк, и началось мое знакомство с поэзией Воронина. Песни на его стихи пишет и воронежский автор-исполнитель Андрей Букреев. Причем, напевность стихов Воронина можно услышать и оценить далеко не сразу. Думаю, что бардам, пишущим музыку на его стихи, изначально все-таки больше импонирует их содержание, настойчивая, но ненавязчивая рефлексия, философские обобщения, а уж потом метрика и ритмика строк.

*Стихи рождаются на свет
без повитух и акушеров
при свете свечек и торшеров
и если вовсе света нет.
Стихи рождаются как знак
потустороннего начала.
Поэтов Муза назначала,
но до рождения. Вот так!*

Я довольно близко знаком с Александром Ворониным, но все-таки нас объединяет не близкая дружба, а творческое доброе товарищество. Внешне он не производит впечатление человека нараспашку, напротив, он в меру сдержан и в меру открыт, при безусловной доброжелательности и корректности. На мой взгляд, Воронин очень похож на свои стихи. Или они на него... И вопреки моему, высказанному здесь несколько выше, мнению, порой строки Александра удивительно музыкальны.

*Невозможно свою переспорить судьбу,
Не вообще и не в частности, если не фарт,*

*Будь, хоть трижды герой, хоть семь пядей во лбу,
Хоть чудака, презирающий магию карт.*

*Можешь верить — не верить в скрижали и рок,
Можешь злиться — смеяться, но коль не дано,
В этот миг, в этот день, в эту жизнь, в этот срок,
И не тщишь, испокон без тебя решено...*

Кажущаяся внешняя фатальность для Воронина, по-моему, лишь антураж, подтекст его стихотворений гораздо глубже. Я воспринимаю Александра как человека, устремленного в себя, нет, не глухого интроверта или мизантропа, но постоянно соразмеряющего мир окружающий со своим внутренним. И в этих соразмерениях мой петрозаводский коллега порой чересчур строг именно к себе. Да и к своей поэзии тоже.

А ведь он не хладнокровный ментор, не «архитектор» стиха, он человек, страдающий, мечущийся, любящий...

*Так щемило в груди, так болело,
Что словами не высказать как.
Может сердце за светом летело,
Может быть, погружалось во мрак —
Захлебнулся в глазах ее серых,
И душа понеслась к небесам.
Но прибежал к спасительным мерам
Может ангел, а может я сам.
Вновь живу, вновь пьянею от воли,
Вновь в глазах ее серых тону.
И не то чтобы спасся от боли,
Просто больше не тянет ко дну.*

Годами работая с присылаемыми в журнал рукописями, отклоняя или рекомендуя их к публикации, он совершенно не стремится ни печатать самого себя, ни попытаться издать новую книгу. А ведь со времени выхода «Круговорота» семнадцатый год пошел. Исписался? Нет, не думаю. Уверен, что тут сказывается требовательность Воронина к собственному творчеству, и что в «загашнике» у него накопилось порядком очень сильных стихотворений. Вот, как ни крути, и получается, что поэт Воронин есть, и даже неподалеку, но «за кадром». Вот эта «закадровость» может сыграть с любым из нас злую шутку: поэту необходимо видеть свои стихи напечатанными. Не ради удовлетворения своего «тщеславия», дескать «...нашелся такой Шекспир», помните у В. П. Аксенова в «Бумажном пейзаже»? Нет. Воронин — поэт состоявшийся, крепко на ногах утвердившийся, он не нуждается ни в поощрении, ни в покровительстве, как некоторые, даже из молодых, да ранние. Взгляд на печатные свои произведения помогает несколько отстраниться от авторства и некоторым образом взглянуть и оценить их со стороны. Это, безусловно, полезно и, на мой взгляд, просто необходимо. Вдобавок, ежели заметят, то тебя не преминут изругать и другие. Очень хорошо. Сие полезно не менее. Терпи, кряхти, держи удар, извлекай из брани рациональные зерна, совершенствуйся духовно, расти. Как поэт. Что же это, Александра Сергеевича костерили на чем свет стоит, а вашу милость жалеть прикажете? Смех смехом, но в моих словах только «доля шутки». Ведь, например, такой потрясающий поэтище, как Леонид Губанов, всю жизнь лишенный публикаций, попросту не имел

стимула для окончательной доводки своих уже великолепных стихотворений, для превращения оных в окончательно шедевральные, сваливая рукописи в ящик письменного стола. Это не мое «открытие», я лишь несколько переосмыслил тезис Юрия Кублановского, что лучшие стихи рождаются на спайке вдохновения с ремеслом. А «ремесло» как раз и стимулируется публикациями. И аз грешный был бы очень рад, если бы время от времени читал хоть опубликованные в периодике стихи прекрасного поэта Александра Воронина, в жизни коего поэзия присутствует во всех смыслах круглосуточно.

*В глухую деревню меня отвозило метро,
Стуча метрономом на стыках. На древнем разъезде
На куртку я выменял порченных вишен ведро
С намереньем высидеть их на плацкартном насесте.
А мне б надлежало стоять впереди на путях,
Слепя своим взором горящим глаза машинисту.
Но поезд железною рыбой забился в сетях
Железнодорожного атласа тысяча триста
Десятого года пространства не наших кровей,
И запах миндальный смешался с модальным мажором,
Когда, тормозя на остатках роскошных когтей,
Состав притворился, что путь перекрыт семафором...*

Вот уже почти семь лет прошло со времени публикации моей рецензии на дебютный сборник стихов заведующего отделом очерка и публицистики журнала «Север» Вениамина Слепкова. Впрочем, это был уже «ответный ход» с моей стороны, поскольку он несколько ранее почтил вниманием мою первую книгу. Ко времени нашего знакомства Слепков уже почти два десятка лет успешно трудился на ниве журналистики, в области коей стал глубоким профессионалом, успев поработать главным редактором городской газеты «Петрозаводск» и замом главного редактора республиканского «Курьера Карелии», стать автором-составителем справочника «Кто есть кто в Петрозаводске. 1995 г.», а также одним из соавторов «Истории строительства Карелии». И с каждым годом тяга возвращения к литературному труду давала о себе знать все более и более. Вениамин и начинал еще в 80-е годы прошлого столетия именно с литературных опытов и публикаций. Ему и принадлежит утверждение, что журналисты уходят в литературу, и размышления по этому поводу в статье «Почему журналисты уходят из профессии», посвященной книге петрозаводского писателя Валерия Верхоглядова «Соло для одного».

Тем не менее, сам Слепков пока журналистику не оставил, успешно совмещая с ней и поэзию, и публицистику, и прозу. Безусловно, по одной дебютной книге сложно говорить об авторе, как о поэте окончательно состоявшемся, цельном и самодостаточном, тем паче, что многие стихотворения можно бы и доработать, сделать их отчетливее, конкретнее, выразительнее. Но ведь очевидно, что и сам автор относится к себе с очевидной самоиронией, а к поэтической составляющей собственного творчества весьма критично и не суетливо. И стихотворный сборник «Старый лешак» скорее можно рассматривать как результат очередного витка самореализации одаренного литератора, выраженный на сей раз поэтически, что ничуть не умаляет достоинств этой небольшой книги.

*Ей — омары, мне — Хайяма,
Ей — брильянты, мне — стихи,*

*Ей — наряд из Амстердама,
Мне — замаливать грехи,*

*Ей — квартиру, мне — дорогу,
Ей — машину, мне — рюкзак,
Ей — всегда всего помногу,
Мне — копейку, мне — пустяк.*

*Ей — победы и удачи
Под фанфары и там-там.
Мне — Канатчикова дача,
Мне — Матросы, мне — бедлам.*

*Делим, делим, не поделим,
Разрываем — не порвем.
Расставаться не умеем,
Да и в мире не живем.*

Для автора, в одном из стихотворений не без кокетства олицетворяющего себя именно со «старым лешаком», характерна добрая ирония и подтрунивание прежде всего над собой. А вообще, стихотворный сборник явился для автора этапным, в нем отразилась вполне конкретная жизненная коллизия, когда сорокалетний, вполне состоявшийся мужчина, пришедший на промежуточный финиш, подводит некоторые итоги пройденного пути, с чем-то прощается, открывая для себя новые горизонты, ставя иные задачи и цели. Не зря же в одном из стихотворений есть такие строки:

*В тишине своего одиночества
Я укутаюсь в воздух, как в плед.
Прочь из памяти имя и отчество
И количество прожитых лет!*

*Позабуду награды и звания,
И победы. В плену пустоты
Я еще позабуду признания,
Что когда — то дарила мне ты.*

*Те, что были победою главною,
Что дороже любых орденов...
Я закроюсь от памяти ставнями
И покрепче прилажу засов...*

Конечно, тут сразу можно ополчиться на Слепкова за пропитанную постмодерном, не вполне удачную, строчку «укутаюсь в воздух, как в плед», за пребывание в клишированном многократно «плену пустоты», но я считаю, что важнее технических огрехов здесь точность изложения авторского желания и причин «его одиночества». И несколько театральная реплика, но очень удачная «Прочь из памяти имя и отчество, // И количество прожитых лет» звучит искренне, не натужно, без излишнего трагизма. Лирический герой сборника, а он там есть, не сомневайтесь, избегая фальши, старается говорить спокойно, даже раздумчиво.

*Не пью неделю, третий день не ем,
И не срываю на шумливых чадах
Придавленное тяжестью проблем
Больное зло, что накормило ядом*

*До кадыка. И просветлился взгляд —
На суету сует смотрю с улыбкой
И жду, покуда, ссохнешь во сто крат,
Могучий корень превратится в липку.*

*Очистил все, во что когда-то влип,
Читаю только в древние поверья.
Теперь сижу, отращаю нимб,
А меж лопаток тихо лезут перья.*

Вот опять есть над чем поработать и в лексике, и стилистически, но общее впечатление от стихотворения вполне отрадное, так как оно, стихотворение, есть! В наличии имеется, можно сказать, вновь сползая в трясины канцелярщины. Герой искренен, ироничен и самоироничен, да и добряк он, по всему видать. Вениамин Слепков, надо вам сказать, и в жизни такой, изначально очень искренний, доброжелательный и расположенный даже к незнакомым людям человек. Он старается избегать категоричности в суждениях и оценках, но лишь для того, чтобы достичь большей объективности, чтобы «с водой не выплеснуть ребенка». Он вообще предпочитает, по его же признанию, если и бороться, то не «против», а «за». А это уже жизненная позиция, весьма о многом говорящая. Однажды, в беседе со мной, Вениамин обмолвился, что нам не хватает любви, что в мире людей любви вообще очень мало; он трактовал в данном контексте любовь очень широко, начиная со стремления к взаимопониманию и взаимопомощи, без которой нет человека как явления в природе. И вышедшая в 2011 г. книга его публицистики «Жить в эпоху перемен» пронизана этим утверждением. В нее вошли интервью, статьи, рецензии Вениамина Слепкова, посвященные современной литературной жизни, ее проблемам и достижениям, конкретным произведениям, увидевшим свет в первое десятилетие нового века. Разнонаправленность творчества можно приветствовать или, напротив, относится к ней с изрядной долей скепсиса, но для Слепкова это данность, хотя, конечно, создавать одинаково удачные произведения во всех жанрах сложно. И Вениамин, на мой взгляд, все — так более силен в прозе и публицистике. (Второй его сборник стихотворений «Меняется ветер» — прямое продолжение «Старого лешака», со всеми плюсами и минусами. На мой взгляд, как поэту, Слепкову не всегда удается точность и отточенность формы, да и в поэтике встречается некоторая «хлябь»). И вот, кстати, о прозе.

Несколько лет назад, а точнее, буквально на рубеже 2012 и 2013 гг., петрозаводское издательство «ФорEVER» выпустило одну за другой две повести Слепкова: «Верная Наташка» и «Посланец вселенной». «Прорывными» или «гениальными» их назвать нельзя, «откровениями» тоже. Да и не ставил наверняка автор задачи выпустить таковые из-под пера. И вообще, будет нам уже по каждому поводу и без того, что чаще случается, орать благим матом, мол, гениально, неповторимо, свежо... Вот и у Вениамина Слепкова, слава Создателю, случай иной. Обе повести — очень серьезная, содержательно сбалансированная, вызывающая живые отклики и споры, проза, посвященная главному герою русской литературы — человеку, обыкновенному человеку, с его метаниями, маетой, сомнениями, надеждами, чаяниями, малодушием и сердечностью, с его тоской и одиночеством, стремлением к счастью и поиском оно-

порой вне четких представлений о цели такого поиска. Есть и к чему претензии предъявить, что, знаете ли, тоже неплохо, ведь когда придраться не к чему, это само по себе настораживает, не правда ли? Повести одновременно и похожи, и существенно разнятся, имея между тем в главных героях очень плохо устроенных, одиноких и весьма недовольных собой людей. И ведь нельзя сказать, что цель автора — так называемая «комедия характеров» или «масок», портреты героев, напротив, до известной степени схематичны, написаны довольно широкими мазками, даже несколько грубовато, они массовы и не исключительны, но это то, что нужно, ибо дело тут не в конкретных персонажах. Точнее, автора интересует поведение своих героев в «комедии положений». Слепков, не в прямую конечно, завуалировано и довольно тактично, но все же твердо и внятно, ставит вопрос об извечном нашем одиночестве, о поиске истинного человеческого счастья, о кажущейся эффективности утилитарного подхода к решению проблем в масштабе одной человеческой жизни, об элементарном благородстве, и о том, как же на деле это непросто, быть элементарно честным и порядочным, прежде всего с самим собой... Вы не пробовали? Правда, сложновато как-то все, потому, что врать самому себе не получается ни при каких обстоятельствах... Даже когда вроде бы и получается.

Выросшая в заштатном поселке девушка Наташа, не зная нормальной семьи и материнской ласки от сбежавшей в город за легкой жизнью родительницы, тычется в поисках тепла и элементарного взаимопонимания, точно слепой котенок, в первые подставленные ладони, но, вот беда, поиск абстрактного, хоть и нехитрого, счастья, вера в то, что она найдет того человека, с кем может создать семью и кого будет любить, кому будет верна до смертного часа, этот поиск не приносит ничего, кроме очередных ошибок и разочарований. Отчего бы? Да оттого, что героиня повести, при желании и возможности любить и быть верной, абсолютно не знает и не понимает, как это сделать, а точнее, каким образом этого достичь. Ей пока невдомек, что значит для нее самой эти самые любовь и верность. И во имя чего они, непонятно. И совсем не зря жизнь сталкивает ее с разочарованным и лишившимся семьи мужчиной, журналистом, человеком широкого кругозора, едва ли негодяем, имеющего свои представления о порядочности, но растерявшего однако веру — надежду — любовь, измотанного одиночеством и неизбежным оправданием ежедневного своего малодушия, когда понимание, что далее так жить не стоит, что нужно многое поменять в своей биографии, не находит воплощения в конкретных действиях. Такой вот неприкаянный, стареющий, мужчина, публицист Сергей Алешин, многое в своей жизни считающий отгоревшим безвозвратно, и вчерашняя девчонка, женщина, можно сказать, по недоразумению, не обнаружившая толком настоящих своих чаяний и потребностей. И тянутся они друг к другу наверное от того, что более на данный момент не к кому приткнуться. Одной нужен ночлег, другому... понятно, что в первую очередь. И откровенный цинизм создавшегося положения в контексте повести не выглядит чем-то из ряда вон выходящим. Отчего это? Привычка к отсутствию положительных героев? Наверное. Даже очевидно. С нелегкой руки У. Теккерея сие вот уже скоро два века, как практикуется. Но повесть Вениамина Слепкова на сатиру уж никак не тянет, да и едва ли автор к этому стремился. И казалось бы, ну что тут такого ужасного, ведь в конце концов Алешин хорошо относится к Наташке, и она принимает такие отношения, и постель воспринимается ею не только как оплата «добрых дел» Сергея, постель несет надежду, что, возможно, когда-нибудь... Ей ведь не нужно замуж за первого встречного, абы за кого, она умеет выбирать, отвергая своего дыхателя из приезжих строителей, ставшего первым ее мужчиной... Алешин во всех отношениях для нее предпочтительнее остальных, но он ни в какую не хочет новых брачных уз, то ли дело партнер на ночь. Не то чтобы постоянный, но регуля-

ный, время от времени. Здоровый, нормальный цинизм, этакая физиологическая меркантильность, и ведь никого не тошнит от подобных житейских конструкций, в том числе, смею предположить, ни автора, ни, вполне возможно, читателя. Автор, хоть повествование и ведется от первого лица, предпочитает находиться над схваткой. Его позиция не совсем ясна, по-моему, он сам не вполне определился с отношением к своим героям, чем-то все-таки ему симпатичными, поскольку их жутковатое в целом сосуществование ничуть не отменяет проявления отношений человеческих, настоящих, то и дело пробивающихся сквозь патину постельной деловитости со стороны одного и суетливых хозяйственных потуг и матримониальных надежд другой. Ведь не может Сергей, вышедший на прогулку, пройти мимо случайно им обнаруженной, спящей на уличной скамейке, хмельной Наташки. И одному Господу известно, что их впереди ожидает?

Словом, одна стремится к любви и счастью, но не понимает и знать толком не знает, в чем они состоят, что они вообще такое, а второй, вроде бы и знает, и понимает, но боится поверить, вновь обжечься, боится новой боли, ибо старая еще, пусть и дремлет где-то втуне, но памятна. Да и вообще, кто же против счастья, но ведь «что такое счастье, это каждый понимал по-своему...». Вот такая повесть, без тени дидактики, без вообще какой-либо нравоучительности, о том, что порой, и весьма часто, «...человек звучит горько...», как поется в песне замечательного барда Григория Данского, что по-настоящему помочь ближнему не столь уж просто, если не умеешь вовремя помочь самому себе, что милосердию и состраданию нужно не только учиться, но прежде всего следует еще и заслужить право на оные. И наверное нечто подобное героям повести еще только предстоит. Справятся они или нет, неизвестно. Задача не из простых, ибо «...человечность это серьезно». И трудно не согласится с утверждением братьев Стругацких.

Вторая повесть — «Посланец вселенной» — на мой взгляд несколько слабее «Верной Наташки». Чем? Пожалуй она «прямее» по замыслу, еще более схематизирована по фабуле, и дидактики, хоть и опосредованно поданной, в ней хватает. Вдобавок, мне кажется, что прием введения в повествование некоего учителя — посланца вселенной, уже неоднократно эксплуатировался в литературе, и пусть «наставник» из «Града обреченного» уже упоминавшихся братьев Стругацких мало похож на «посланца вселенной», но присутствие последнего не кажется столь уж обязательным для того, чтобы донести до главного героя мысль о том, что «каждый человек — кузнец своего счастья». Вообще это очень интересный прием, когда главный герой априори лишается автором способности свободно мыслить и проявлять элементарную «волю к победе», когда ему нужны некие наставления со стороны, дабы как-то изменить свою жизнь к лучшему. (И не один Вениамин Слепков им согрешил. Таков, на мой взгляд, главный герой нашумевшего в свое время опуса Захара Прилепина «Санька» — «рядовой радикал», молодой экстремист, не умеющий думать, оттого не имеющий собственной линии поведения, лишенный собственной воли, предельно реактивный... кибер какой-то, андроид... И насколько же все в итоге просто и «трагично» заканчивается!). Повесть бы только выиграла от отсутствия ненужного мистицизма, вдобавок оставляющего довольно комичное впечатление, как будто непонятно, что на самом-то деле в главном герое просыпается доселе дремавшее в латентном состоянии альтер эго! Повесть можно было сделать более убедительной, запоминающейся, контрастной. Конечно, в основе все тот же поиск, выраженный в песенной строке: «Много ль нужно, чтобы стать счастливым?», тема вполне оправданная и достойная, и несмотря на все мои претензии, мне очень по душе общая интонация повести, весьма схожая с интонациями прозы Вадима Шефнера, прозы по-настоящему человеческой и доброй, ныне почти забытой к великому сожалению, а вот Вениамину Слепкову уда-

лось, безо всякого на то умысла, практически воссоздать эту интонацию, даже атмосферу, где всем усилиям главного героя волей-неволей начинаешь сочувствовать, и даже привыкаешь «болеть» за него. Мне кажется, что проза подобного рода имеет свою целевую аудиторию и может быть весьма полезна молодым людям, начинающим свой читательский и жизненный путь, ибо посвящается она светлым мыслям и благородным чувствам, достигнуть коих в повседневной рутине зачастую довольно сложно, а утратить, в угоду сиюминутным выгодам и меркантильным резонам, проще простого. Впрочем, хорошей литературе тоже «все возрасты покорны». Поэтому, друзья мои, читайте книги Вениамина Слепкова, не пожалеете. Он пишет и для детей, его перу принадлежит сборник «Первый соловецкий инок. Рассказы для детей о преподобном Савватии» (издательство Соловецкого монастыря), книга-сказка «Древняя легенда Шоколадной страны про мальчика, который не любил шоколад», переведенная на финский язык, роман-фэнтэзи «Принц Хостинпура»... Казалось бы, отличная результативность... Но ведь провинциальные авторы в большинстве своем по-прежнему лишены возможности распространять свои произведения далее своего региона, да и служебная журнальная текучка отнимает уйму времени, тут никуда не денешься, бросить все, конечно, можно, но... получается, что нельзя, точнее, очень не просто, особенно, когда этому делу отданы годы жизни и уйма сил.

Оттого редакционная стезя порой чаще, чем нужно, оставляет «за кадром» не только героев моей статьи, но и многочисленных их коллег, служащих в наше сложнейшее для серьезной и профессиональной печатной литературной периодики время, благородной цели — развитию и процветанию отечественной литературы, сохранению и преумножению ее традиций, традиций гуманизма и патриотизма, формирования человеческих идеалов, основанных на любви, честности, доброте и благородстве. Что? Многовато высоких слов? Извините, господа, такие слова и предназначены для высоких целей, и давайте не будем их стесняться.

Игорь Карлов

(г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт)

«Я ТВЕРДО ВСЕ РЕШИЛ...»

Стихи политика Е. М. Примакова (1929—2015)

Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Заведующий отделом международных связей журнала «Приокские зори».

26 июня 2015 года скончался Евгений Максимович Примаков... Три года прошло. Надо помянуть. Нельзя не вспомнить. Нельзя забыть, поскольку уход таких людей, как Примаков, как доктор Лиза, как Владимир Маканин, как А. А. Зализняк, как многие и многие другие заставляет понять: есть незаменимые. И память о них, незаменимых, камертоном звенит каждому из нас (правда, слышит, как ни жаль, не каждый): «А ты что смог сделать для страны, для людей? А ты как живешь? А тебя чем помянут?»

Биография и послужной список Е. М. Примакова достойны отдельной главы в истории нашего Отечества. Академик, дипломат, шеф разведки, депутат, министр иностранных дел, глава Правительства... А еще — поэт. Многие стихи яркого политика, посвятившего жизнь работе на благо Родины, напрямую касались вопросов государственного строительства. Поэтому вполне закономерно, что в свое время Примаков предложил собственный вариант текста Гимна России. Как мы знаем, в конкурсе на создание Гимна победил другой автор — С. В. Михалков. Но то, каким видел один из символов нашего государства такой выдающийся россиянин, каковым являлся Е. М. Примаков, чрезвычайно интересно. Предлагаем читателям ознакомиться с текстом Е. М. Примакова на всем известную музыку А. В. Александрова.

I

*Россия прошла череду испытаний —
Теперь судьбы Родины в наших руках.
Поднимемся все, как один, россияне,
Чтобы сделать счастливой страну на века.*

Припев:

*Славься, Отечество наше единое,
Мира достоинство, честь и оплот!
Знамя Российское непобедимое
К новым свершениям нас приведет!*

II

*Отеческим домом для многих народов
Стала Святая великая Русь.
Овеяна духом добра и свободы,
Тебя я люблю и тобою горжусь.*

Припев.

III

*Кто честно стремится сотрудничать с нами,
В России надежного друга найдет,
А тот, кто готовит враждебные планы,
Пусть знает: его поражение ждет.*

Припев:

*Славься, Отечество наше единое,
Мира достоинство, честь и оплот!
Знамя Российское непобедимое
К новым свершениям нас приведет!*

За строками варианта гимна страны возникает образ их автора — настоящего государственного мужа, мудрого политика и убежденного патриота. Один из самых уважаемых политиков России за последнюю четверть века, Евгений Максимович Примаков никогда не искал личной выгоды, не слыл карьеристом или стяжателем. Зато он был надежным и добросовестным работником, настоящим командным игроком, который никогда не сдастся, не отступит. И даже когда приходилось действовать в одиночку, Примаков и один бывал в поле воином. Жизненное кредо этого человека раскрывает еще одно стихотворение:

*Я твердо все решил: быть до конца в упряжке,
Пока не выдохнусь, пока не упаду.
И если станет нестерпимо тяжело,
То и тогда с дороги не сойду.*

*Я твердо все решил: мне ничего не надо —
Ни высших должностей, ни славы, ни наград,
Лишь чувствовать дыханье друга рядом,
Лишь не поймать косою, недобрый взгляд.*

*Я много раз грешил, но никогда не предал
Ни дела, чем живу, ни дома, ни людей.
Я много проскакал, но не оседлан,
Хоть сам умею понукать коней.*

*Мы мчимся, нас кнутом подстегивает время,
Мы спотыкаемся, но нас не тем судить,
Кто даже ногу не поставил в стремя
И только поучает всех, как жить.*

Свою работу в МИД Евгений Максимович Примаков расценивал как «государеву службу», и эта служба постепенно стала служением, призванием, заключавшимся в непревзойденном умении последовательно и уверенно отстаивать интересы России. Став главой Министерства иностранных дел РФ, Е. М. Примаков поставил перед собой и подчиненными фантастическую, как казалось тогда, задачу — преобразовать «однополярный мир», в котором доминировали США, в многополярную систему равноправных государств. Сегодня замыслы Примакова успешно осуществляются руководством страны и внешнеполитического ведомства, но в середине 90-х годов для отстаивания такой позиции требовалось мужество подлинного патриота. А Примаков и был именно таким! Своим знаменитым разворотом над Атлантикой он показал всему миру, что Россия имеет собственную точку зрения на глобальные пробле-

мы и готова их отстаивать в честной конкурентной борьбе, дипломатическими средствами, но не с помощью оружия, как это вошло в моду у дяди Сэма. Возможно, один из подобных решительных шагов на тернистом пути истинного дипломата стал для Е. М. Примакова толчком к написанию этих стихотворных строк:

*Опять труба зовет в дорогу,
Но, как всегда, трублю я сам.
Не для меня сидеть в берлоге
Или вымалывать у Бога
Сонливых радостей мещан.
Цыганский дух вселился в тело,
Хотя плясать и не горазд.
Под звук гитары надоело,
Под дудку не согнуть колени,
А на ходу в кибитку — враз.
Вдогонку не бросайте камни,
Ведь все равно не долетят.
А если уж кого и ранит,
То бумерангом в наказанье,
А кони вдаль кибитку мчат.*

Непросто складывалась жизнь Е. М. Примакова. О том, как много и напряженно он работал, о том, сколь велика цена ошибки политика, о том, насколько важно сочетать в работе дипломата предельную осторожность и неудержимую решительность, свидетельствует красноречивое название, данное Е. М. Примаковым книге мемуаров, — «Минное поле политики». Видимо, автору, действительно, каждый шаг на жизненном пути давался с трудом. Приходилось собирать в кулак волю, однако он неудержимо шел к победе, в которую безоговорочно верил. Но ведь именно такие люди добиваются успеха в жизни. И такие люди становятся по-настоящему мудрыми. Не только политическая, но и житейская мудрость отразились в стихотворении «Стежки-дорожки»:

*Стежки-дорожки
Прошел и проехал.
Мелкие сошки
Приветствуют сверху.
Стежки-дорожки
Прямо иль креном.
Все время на дрожках,
Усланных сеном.
А думают, вроде
Лечу на ракете.
Неужто в народе
Так верят газете?
Стежки-дорожки,
Доколе вас хватит,
На весны помножим,
По зимам разгладим.*

На первый взгляд стихотворение не слишком глубокое: кому из нас не приходилось (меланхолически, но не без оттенка самолюбования) вздыхать о пройденных житейских путях-дорогах! Тут, однако, дело в том, где те стежки-дорожки пролегают. Один по ним добирается от места работы до ближайшей пивной, другой — от дома до

районной поликлиники. А иных кривая вывозит в такие места, что лучше и упоминать. Редким людям удается построить свой жизненный маршрут так, чтобы его освещали в газете, путь даже намеренно неточно. Примакову удалось. И не комфорт во время пути был его задачей, а достижение результата, добиваться которого мешали не только легковверные «глотатели газет», но и мелкие сошки, забравшиеся на самый верх.

Стоит в глазах телевизионная картинка из «лихих девяностых»: двое на экране — занявшая высший государственный пост мелкая сошка, а рядом — Примаков. Сошка, справедливо опасаясь конкуренции на политическом поле, заставляет его, «Примуса» (т.е. «первого»), человека трезвого ума, филигранных решений и огромного опыта, на телекамеры заявить об отсутствии президентских амбиций. И Примаков, на уровне рефлекса выработавший внутреннюю дисциплину, априори уважающий субординацию как единственный способ существования государственного аппарата, вынужден, сдерживая справедливый гнев и природную брезгливость, подтверждать: да, выставлять свою кандидатуру не собирался... Возможно, кому-то в тот момент и могло показаться: сдался Примаков, и этому выкрутили руки... Но те, кто знаком со стихами политика, помнят строку: «Я твердо все решил: мне ничего не надо — Ни вышших должностей, ни славы, ни наград». И эта ставшая жизненным девизом Примакова строка неожиданно много объяснит в новейшей российской политике.

А тот давний телевизионный репортаж... Он вызывал гадкое чувство, как и все разыгранные нечистоплотным политиканом фарсы. Как дирижирование немецким военным оркестром; или паясничание для увеселения «друга Билла»; или неуклюжие, напоминающие па дрессированного медведя, прыжки под любимую электроратом «попсу»; или оглоушивший циничной беспринципностью финал выступления в заокеанском Конгрессе: «Боже, храни Америку!» Такие были времена... Но Примаков никогда не ныл, мол, время такое, не мы такие. «Примус» твердо знал: только от нас и зависит, каким назовут наш век — ужасным, великим, героическим, подлым... Знал и не ныл. Разве что позволял себе иногда капельку лирики — в стихах.

Евгений Максимович Примаков никогда не стремился к славе стихотворца. Его поэтические строки были возможностью наедине с собой осмыслить происходящее в художественных образах, соотнести этические проблемы с живущим в глубине души эстетическим идеалом. Лирика Примакова задушевна, она — «для себя», для близких, для старых верных друзей. Но дело в том, что у человека крупного масштаба и высокого полета даже интимные переживания резонируют с глобальными проблемами. Пример — стихотворение «Родная Грузия стала не той...» Как известно, детство и ранняя юность родившегося в Киеве Е. М. Примакова прошли в Тбилиси. Поэтому распад Советского Союза стал для него не только политической катастрофой, но и личной трагедией. Вот как боль политика, не смеющего забывать в себе человеческое, звучит в лирике:

*Родная Грузия стала не той,
Страну захлестнуло мутной волной,
Задержалась в пляске святого Витта
Вся многослойная палитра
Центральных, местных властей и партий.
Хоть кто-нибудь, подойдите к карте
Или к дому с заросшим порогом,
В конце концов, спросите у Бога,
Как быть с бедой, чьи корни все глубже,
Сняли с ковров кинжалы и ружья,
В пятнах крови белые скатерти,
Черное горе в глазах у матери.*

*Беда прорастает в ткани быта.
Непостижимо, что будут забыты
Многоязычье тбилисских дворов,
Сомкнутых в радость и горе столов.
Соседи в Сухуми — не рядом, а вместе,
Не изменяя ни дружбе, ни чести.
Не все, очевидно, прошли эту «школу»,
Иначе сочли бы страшной крамолой
Вершить от традиций крутой поворот,
Одних возвышать, другим — от ворот.
Река все равно в свое русло вернется,
Вода, опрокинув преграды, прорвется.
Нет аналогий в истории старой:
Давид Строитель, царица Тамара,
Чудится мне, что слышу их стоны —
При них страна не знала погромов.*

Говорят, что Е. М. Примаков в московской уже своей юности был вхож в литературный кружок, к которому имел отношение сам Б. Ш. Окуджава. В любом случае влияние «бардовской поэзии» на творчество Примакова очевидно: это проявляется и в нарочитой простоте формы стиха, и в присущем «шестидесятникам» романтизме, и в тематике произведений. А одной из важнейших тем тогда была (да и поныне для нас остается) священная память о Великой Отечественной войне, о жертвенном подвиге народа. Ведь, не будь у нас Великой Победы, никому не нужны были бы ни космос, ни грандиозные стройки, ни балет, ни мирные победы дипломатические. Примаков понимал это с особой остротой, умел с предельной честностью соотносить взлеты своего Отечества с повседневным и, казалось бы, рутинным, далеким от героики трудом каждого из нас. Тема войны не оставляла, была актуальной для Примакова даже спустя полвека после окончания боев:

*Война остается в песнях,
В выпитом в память погибших,
В мыслях, которым тесно,
В воспоминаньях о бывшем.
Война остается в вере,
Что дальше все будет лучше,
Что не напрасны жертвы —
Свое все равно получим.
Война остается в соли,
Что сыплем себе на раны.
Для некоторых — жажда крови,
Для некоторых — жажда правды.
Война остается в играх
Детей в войну против немцев,
В просветах стай журавлиных,
В людях с непрожитым детством.
Война неотступно с нами,
Хотя без нее уж полвека.
Трудно рубцуются раны
Те, что в душе человека.*

Въедливый критик, разбирая стихи Е. М. Примакова, обратит внимание на неточность рифмы, на несоблюдение стихотворного размера... Как сказано выше, поли-

тик оставался политиком, никому не навязывал свое стихотворное творчество в качестве примера. Но вот чему, безусловно, можно поучиться у Примакова-поэта, так это искренности, умению просто и точно выражать мысль (пусть она кому-то из надменно эстетствующих версификаторов и покажется банальной), экспрессии письма, смелости и даже дерзости оценок. А это все признаки подлинного искусства. То, что Примаков знал и понимал искусство, не требует доказательств. Но как неожиданно, как по-новому высвечиваются эстетические принципы нашего рифмующего дипломата при сопряжении с художественным методом французского художника Жоржа Сера, основоположника неимпрессионизма!

НА ВЫСТАВКЕ СЕРА

*Проще простого: находился в Париже,
Зашел на выставку Сера,
И все другое стало жиже и ниже.
В душу вонзились, как стрела,
Безмолвные дали и одиночество
Людей, погруженных в вечность.
Ни с кем не сравнимый рисунок точечный
Высвечен светом свечки.
Во многих картинах предчувствие смерти?
С версией спорить не буду.
Непостижимо, но — верьте не верьте —
Сера рисовал оттуда.*

Лирика всегда остается лирикой — способом рассказать о себе, о своем внутреннем мире, о своих чувствах. А раз о чувствах — то, прежде всего, о своей любви. Стихи Е. М. Примакова дают нам уникальную возможность «подсмотреть», как любит человек высокопоставленный, «подсмотреть» и лишний раз убедиться, что ничто человеческое ему не чуждо. Оказывается, хранитель государственных секретов, точно так же, как все мы, простые смертные, хранит и свой личный секретик — симпатию, влюбленность, любовь. Личная жизнь Е. М. Примакова складывалась нелегко, точно так же, как и его служба, его карьера. Но у нашего «политического тяжеловеса» всегда был надежный «тыл». Выходя на международную арену, он чувствовал за спиной мощь (может быть, не всем явную) своей страны. В поединке с иностранными спецслужбами неизменной поддержкой были соратники, друзья, которые в любой ситуации прикроют, подставят плечо. А в судьбе в целом «тыл» обеспечивала семья. И эта защита оказалась самой надежной, самой «глубокоэшелонированной». Казалось бы, от чего могут уберечь дипломата жена, дети? Они порой даже не очень детально представляют, чем занят глава семьи. Но вот — берегают. Любовь, сколь бы эфемерным не представлялось отдельным личностям это чувство, оберегает от всего, дает силы бороться и побеждать. Скажете, наивно-романтическое утверждение? Скажете, наивнее только гадать на ромашке? А вот вам в ответ стихи искушенного, далекого от наивности государственного мужа, в которых предстает он отнюдь не государственным, а сугубо частным, подходящим, скорее, не на многоопытного мужа, но на пылкого юношу:

*Любит — не любит...
Сказала ромашка,
Что приголубит.
Родился в рубашке.
Любит — не любит...
На гуще кофейной*

*Слились в поцелуе.
Попробуй не верить.
Любит — не любит...
Пасьянс однозначный:
Вовек не забудет.
Цыганке — без сдачи.
Было — не было —
Спросил напрямую.
Как отрубила:
Любите другую.*

Выше уже отмечена изначальная нацеленность Примакова-поэта на звучащее слово, на песенную манеру лирики. На данное обстоятельство давно уже обратили внимание не только мы, но и люди, владеющие композиторским ремеслом, поэтому стихи Е.М. Примакова легли на музыку, составив небольшой, состоящий всего из шести песен, диск. Как нам представляется, сам Е. М. Примаков вряд ли стал бы заниматься изданием пластинки, скорее всего, это подарок кого-нибудь из его многочисленных друзей к очередному юбилею. Примаковский миньон получил немудреное название «Что на душе» и расценивался бы, наверное, в качестве всего лишь экзотического сувенира, который могут себе позволить преподнести другу состоятельные (притом, интеллигентные) люди со связями. Но то обстоятельство, что две песни на диске исполняют И. Кобзон и В. Кикабидзе, свидетельствует о неизменном уважении к Примакову со стороны представителей различных общественных групп, граждан различных стран. В самом деле, трудно не испытывать симпатию (даже сейчас, по прошествии трех лет со дня его смерти) к незаурядному человеку, умудренному опытом, но не изверившемуся, не озлобившемуся, не предавшему идеалов юности.

Идеалы юности... Они кажутся нам наивными, простоватыми. Но есть ли что-нибудь сложнее, чем прожить жизнь в соответствии с идеалами юности? Кто из нас, положив руку на сердце, сможет сказать, что во всех обстоятельствах соответствовал нравственным критериям молодости? А Примаков, наверняка, мог бы позволить себе роскошь такого утверждения. И он менялся, но не изменял. И он заблуждался, но не блуждал. И он обманывался, но не обманывал. А в конце жизни, как бы ободряюще подмигнув на прощание, оставил нам дружеское наставление:

ПРЕИМУЩЕСТВО ЛЕТ

*Когда годов отстукало немало,
То любишь или рубишь не сплеча,
Идешь «на вы» не с поднятым забралом.
Давно уже не дружишь с кем попало
И не осудишь сгоряча...
Смириться можно с возрастом любым,
Коль ощущаешь каждое «мгновенье»,
А не плывешь от юбилея к юбилею
И только вниз, и «по теченью спин».*

Избитая фраза: талантливый человек талантлив во всем. Но в случае с Евгением Максимовичем Примаковым эта много раз повторенная истина звучит по-новому, открывается новыми гранями, как и сама фигура одного из известнейших политиков современности.

Александр Сахаров
(пос. Белоозерский, Московская обл.)

Инженер, писатель. Закончил Московский физико-технический институт.

Автор ряда статей об А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове, по истории России, опубликованных в журналах «Москва», «Московский журнал», «Сура», научных сборниках. Участник российских и международных пушкинских и лермонтовских конференций, Багратионовских чтений. Член Союза писателей России (МГО).

Один из основателей Московского Лермонтовского общества. Заместитель главного редактора «Коломенского альманаха». За книгу «Путь к Лермонтову: исследования, версии, находки» (Коломна, 2014) удостоен «Золотого диплома» лауреата VI славянского литературного форума «Золотой витязь» (г. Ставрополь, 2015) и 2-й премии литературного конкурса им. С. Н. Дурылина (г. Королев, 2015) в номинации «Научно-популярная литература».

ДВА ЖЕНСКИХ ПОРТРЕТА

К 235-летию со дня рождения В. А. Жуковского

«В нем не было ни лжи, ни раздвоенья...»

Пролог

Личность, судьба и творчество Василия Андреевича Жуковского и сейчас, спустя 235 лет со дня рождения и 165 лет со дня кончины, не перестают волновать нас. Кем же предстает перед нами Жуковский?

Без сомнения, великим поэтом, одним из создателей современного русского языка. Романтиком, автором поэтических баллад, сказок, прекрасной тонкой лирики, великолепным переводчиком...

Другом и учителем великого Пушкина, братом, товарищем, порой наставником многим литераторам пушкинской плеяды: Вяземскому, Давыдову, Батюшкову, Боратынскому, братьям Тургеневым, Козлову, Гоголю, Лермонтову...

Выдающимся педагогом, деятельность которого на посту воспитателя наследника престола и других лиц царской фамилии была направлена на развитие и укрепление в них любви к Отечеству, к русской культуре, высоких личных нравственных качеств, коими наставник их обладал в полной мере. О педагогике Жуковского следовало бы сказать особо.

Именно Василий Андреевич Жуковский был рядом с Пушкиным в последние часы его жизни и поведал о них в своем письме отцу поэта. Он сохранил рукописи Пушкина и подготовил издание собрания его сочинений в пользу вдовы и детей Пушкина.

Пользуясь близостью к монарху и царской семье, он был постоянным заступником и просителем за обиженных, сосланных, бедных, по выражению А. С. Пушкина — «милость к падшим призывал». Он пишет письма в защиту Н. И. Тургенева, о смягчении участи декабристов, хлопочет об освобождении из крепостной зависимости Т. Г. Шевченко, просит о высылке денег Н. В. Гоголю, о прощении Е. А. Боратынского, вступает за честь погибшего А. С. Пушкина и его семьи, к нему с просьбой о заступничестве обращается бабушка М. Ю. Лермонтова Е. А. Арсеньева... Василий Андреевич Жуковский по праву может быть назван «Совестью русского общества XIX столетия».

А еще — он был хорошим художником, автором многих пейзажей и зарисовок, которые неустанно заносил он в свой альбом во время поездок. И если пейзажные его рисунки выполнены в классической академической манере, с подчеркнутым соблюдением правил линейной перспективы (что, впрочем, не лишает их очарования), то несколько дошедших до нас портретных рисунков, выполненных рукой поэта, представляют для нас особый интерес, так как являются важными свидетельствами трагической судьбы поэта.

Известно множество женских образов в поэзии и графике А. С. Пушкина. Графика Василия Андреевича Жуковского более скромна. Из немногих, дошедших до нас портретных рисунков, можно, пожалуй, выделить два женских портрета, выполненных поэтом с любовью к изображенному.

«МИЛОСТИВАЯ ГОСУДАРЫНЯ МАТУШКА...»

Перед нами изображение сидящей на скрещенных ногах женщины. Ее поза и одежда выдают в ней женщину восточную. Кажется, что могло заинтересовать в ней поэта? Чтобы понять это, нам придется вернуться к его рождению.

Итак... «Село Мишенское, одно из многих поместий, принадлежавших Афанасию Ивановичу Бунину, находится в Тульской губернии, в 3-х верстах от уездного города Белева. Благодаря живописным окрестностям этого имения и близости его к городу, владелец избрал его постоянным местопребыванием для своего семейства и, по тогдашним обычаям, обустроил и украсил его роскошно. Огромный дом с флигелями, оранжереями, теплицами, прудами, садками, парком и садом придавал особую прелесть этой усадьбе, а обстановка — дубовая роща, ручеек в долине, виды на отдаленные пышные луга и нивы, на близкое село с церковью, настраивали чувства обывателей к мирному наслаждению красотой природы» (из воспоминаний К.К. Зейдлица (1798—1885), известного врача, друга В. А. Жуковского). Именно здесь и появился на свет будущий поэт и педагог. Эти места полюбил он на всю жизнь, они были связаны с дорогими для него воспоминаниями. Он позже неоднократно возвращался сюда, делал зарисовки.

Однако, продолжим наш рассказ, также опираясь на воспоминания современников поэта. «В царствование императрицы Екатерины II, когда были ведены Россией такие счастливые войны против Турции, мещане города Белева и многие крестьяне, казенные и помещичьи, повадились ездить за нашею армией маркитантами и торговали с большою выгодой. Один крестьянин села Мишенского..., пришед проститься с своим господином, спросил: «Батюшка, Афанасий Иванович, какой мне привезти тебе гостинец, если посчастливится торг мой?». Дедушка отвечал ему шутя: «Привези мне, брат, хорошенькую турчаночку,— видишь, жена моя совсем состарилась!» Но крестьянин не за шутку принял эти слова. Он торговал очень счастливо и после первого взятия Бендер, кажется, в 1774 году, возвратился и привез с собой двух турчанок, родных сестер: 16-летнюю Сальху, уже вдову,— муж ее был убит под стенами Бендер,— и 11-тилет-

нюю Фатьму, которая скоро и умерла» (из воспоминаний А. П. Зонтаг, дочери Варвары Афанасьевны Юшковой, внучки А. И. Бунина. А. П. Зонтаг приходилась Жуковскому племянницей, она была тремя годами младше, но в детстве они воспитывались вместе).

Сальха, отличавшаяся приветливостью, добротой и смирением, осталась покорна своей судьбе и жила в семье Буниных, сначала при младших дочерях Варваре и Екатерине, которые учили ее говорить и читать по-русски, затем ей было поручено все хозяйство.

Ее молодость и красота, расторопность в хозяйстве и умение готовить привлекли к ней внимание Афанасия Ивановича. «Сальха, как невольница, по своим магометанским понятиям, покори-лась ему во всем, но все так же была предана душою Марье Григорьевне, которая, заметя связь мужа своего с турчанкой, не делала ему ни упреков, ни выговоров, а только удалила от Сальхи дочерей своих... Она считала себя второю женою, но всегда оставалась покорною первой жене, как

госпоже своей, от которой не слыхала никогда неприятного слова. Бабушка не винила ее, зная ее магометанские понятия» (из воспоминаний А. П. Зонтаг).

Пристрастившись к чтению, она много читала, и, наконец, решила принять православие. «Во святом крещении она была наречена Елизаветою, а по крестному отцу, дедушкиному управляющему, отчество ее было Дементьевна» (А. П. Зонтаг), фамилия же ей была дана по происхождению — Турчанинова. 29 января 1783 года Елизавета Дементьевна родила сына. Восприемниками при крещении стали бедный киевский дворянин Андрей Григорьевич Жуковский и, с согласия матери, Варвара Афанасьевна Бунина. Тут же, получив при крещении имя Василий, мальчик был усыновлен А. Г. Жуковским, а потому получил его фамилию и отчество Андреевич. Как вспоминает со слов бабушки и Сальхи А. П. Зонтаг: «Марья Григорьевна подошла посмотреть на прекрасного мальчика и со слезами благословила его. Она думала о своем единственном сыне, умершем за два года перед тем, в совершенных летах... Сердце ее, неспособное к зависти и ни к какому неприятному чувству, кажется с этой минуты усыновило новорожденного.

После сорока дней Елизавета Дементьевна пошла с сыном в церковь, чтобы взять молитву. Возвращаясь домой, она вошла с младенцем своим в гостиную, где сидела бабушка, стала перед нею на колени и с горькими слезами положила к ее ногам малютку. Бабушка взяла его на руки, целовала, крестила и также плакала».

С этой минуты у Васи стало две матери, которые любили и помогали ему до самой своей смерти. «Он вырос прекрасным, милым, добрым ребенком. Все любили его без памяти. Для старших он был любимым сыном, а для младших — любимым братом».

Еще в 1785 году отец записал Василия сержантом в Астраханский гусарский полк. В шесть лет он получил первый офицерский чин прапорщика, дававший право на личное дворянство, и был внесен в дворянскую книгу Тульской губернии. И когда получившему домашнее образование Жуковскому надо было продолжать учение, сосед по имени предложил ему поступить в полк. Однако устройство в военную службу не состоялось, вступивший на престол император Павел I запретил брать на действительную службу несовершеннолетних офицеров. Однако, пока юный прапорщик жил в Нарвском полку, стоявшем в крепости Кексгольм на берегу Ладожско-

го озера, произошло событие, о котором он написал матери: «Милостивая государыня матушка Елизавета Дементьевна! Имею честь вас поздравить с праздником (*Рождеством — А.С.*)... О себе имею честь донести, что я, слава Богу, здоров. Недавно у нас был граф Суворов, которого встречали пушечной пальбой со всех бастионов крепости».

Часовня Николая Чудотворца. Белев. Рис. В. А. Жуковского

По возвращении в Тулу Василия Жуковского ждала еще одна важная для него встреча, о которой сам он впоследствии написал так: «Из посторонних лиц этого времени самое памятное и любезное для меня есть лицо Болотова... Он посещал нас в Туле, он был мне самый привлекательный человек и сильно на меня действовал своей многосторонностью». Разносторонне образованный, много ездивший по России, он увлек юного Жуковского рассказами о создании природных парков, о птицах и животных, он знал наизусть оды Ломоносова, Хераскова и Державина. Именно Андрей Тимофеевич Болотов посоветовал родным Жуковского определить его в Московский университетский благородный пансион.

После окончания пансиона Жуковский служит некоторое время в Соляной конторе. Однако, эта служба ему не по нраву, и, воспользовавшись первым же предложением, он оставляет ее, занявшись литературным трудом.

Жуковский осознает двойственность своего положения: хотя он и принят ласково, как сын и брат, в доме Буниных, он не носит фамилию отца и не считается его наследником. «Одиночество, совершенный недостаток в приятных связях, отдаление тех людей, которые бы могли меня оживить и ободрить в искании всего хорошего, совершенное бессилие души, ненадежность на самого себя — вот что меня теперь мучит.

Я один; в самом себе не нахожу довольно прибежища; ...мне недостает ободрения. ...Не имея своего семейства, в котором бы я что-нибудь значил, я видел вокруг себя людей мне коротко знакомых, потому что я был перед ними выращен, но не видел родных, мне принадлежащих по праву... Я не был оставлен, брошен, имел угол, но не был любим никем, не чувствовал ничьей любви; следовательно, не мог платить любовью за любовь, не мог быть благодарным по чувству, а был только благодарным по должности...», — записывает Жуковский в дневнике 26 августа 1805 г. Впрочем, в следующей записи (16 ноября) он признается: «Это было писано в худом расположении духа», — однако видно, что эти мысли мучают его постоянно, хотя порой он и преувеличивает свое одиночество: многие, и друзья и родные, искренне любят его.

Двойственность положения в семье сказалась на характере Жуковского: он научился сострадать обойденным судьбой и принимать чужую боль как собственную.

У него появилась новая мечта — перестроить подаренный ему теткой Авдотьей Афанасьевной Алымовой дом в Белеве, на самом берегу Оки, и поселиться в нем с матерью. Идея не вызвала возражений у его матерей, а Мария Григорьевна даже обещала дать своих плотников. Хотя Мария Григорьевна ни в чем не упрекала Елизавету Дементьевну, а та, в свою очередь, чувствовала к ней привязанность, все же и сын, и мать мечтали жить вдвоем, независимо от Буниных. «Желания твои о моем счастье чрезвычайно меня тронули. Конечно, мой друг, я с тобою надеюсь быть счастлива и спокойна; любовь твоя и почтение, право, одни могут сделать меня благополучной. А во мне ты напрасно сомневаешься, я очень чувствую, какого имею сына... А когда даст Бог мы будем жить в своем домике, то ты можешь быть уверен в моем снисхождении и доверенности; увидишь, что у тебя есть добрая мать, которая только твоего счастья и желает», — писала сыну Елизавета Дементьевна.

Однако, когда дом был построен, Елизавета Дементьевна жила в нем только во время приездов сына, когда же он уезжал, она переселялась в ставший для нее привычным и родным дом Буниных, к Марии Григорьевне.

Тула. Рис. В. А. Жуковского

В 1808—1810 гг. В. А. Жуковский занят редактированием «Вестника Европы», он задумал собрать и издать многотомную хрестоматию русской поэзии. «Вот расположение моего «Собрания»,— пишет он Александру Тургеневу в сентябре 1809 года,— оно должно состоять из пяти, если не из шести полновесных томов; в первых двух или трех *лирическая поэзия*; в следующих по порядку: *басни, сказки, элегии* и прочее и прочее до *дистиха*... Все уже списано и приведено в порядок».

Живя в Москве, наезжал он в Мишенское и в орловское имение сводной сестры Екатерины Афанасьевны Протасовой Муратова, доставшееся ей в наследство от отца. Он взялся быть архитектором и распорядителем работ по устройству имения, в котором не было еще господского дома: Е. А. Протасова с дочерьми Сашей и Машей поселились пока в крестьянской избе. В 1810 году Мария Григорьевна Бунина и Елизавета Дементьевна, сложившись, купили Жуковскому небольшую деревеньку Холх в окрестностях Белева с 17-ю крепостными — через реку от полюбившегося ему Муратова.

Жизнь начала налаживаться. Жуковский оборудовал себе кабинет в перевезенном через речку из Муратова старом доме Протасовых, через речку был построен мост. Однако, литературные дела требовали почти постоянного присутствия Василия

Андреевича в Москве, назревал конфликт между двумя редакторами «Вестника Европы» Жуковским и Каченовским.

Белёв. Рис. В. А. Жуковского

В это время и произошла трагедия — 13 мая в Мишенском скончалась Мария Григорьевна, в солидном, впрочем, для того времени возрасте восьмидесяти трех лет. Елизавета Дементьевна, приехавшая в Москву к сыну с этой грустной вестью, умерла спустя десять дней после своей бывшей хозяйки. Василия Андреевича глубоко потрясла эта утрата, похоронив мать на кладбище Новодевичьего монастыря, он сожалел о том, что совсем мало виделся с ней и практически не знал ее. Поклонился он и праху Марии Григорьевны Буниной. Лишившись сразу двух своих матерей, он стал еще более одинок.

О Елизавете Дементьевне Турчаниновой — турчанке Сальхе и ее трагической судьбе и напомнил нам карандашный рисунок поэта.

«ТИХИЙ АНГЕЛ»

Не оправившись от этой трагедии, Жуковский отправился в Холх, в свой пустующий домик. Теперь рядом с ним жило семейство Протасовых: Екатерина Афанасьевна с дочерьми Машей и Сашей.

В муратовском доме Жуковский затевал разнообразные игры, выпускал шуточные газеты. В это веселье вовлекались соседи и близкие Протасовых. Разыгрывались комедии, в том числе — специально для этих случаев сочиненные Жуковским.

Осенью Жуковский поселяется в Холхе, вновь начинает работать: «Мое время разделено на две половины: одна посвящена учению, другая авторству... Учение: философия и история, и языки... Сочинения и переводы... Живу я очень уединенно», — пишет он в Санкт-Петербург Дмитрию Блудову.

Друзья зовут Жуковского в столицу, но Жуковский не в силах покинуть Холх и близкое Муратово. Целью и смыслом его жизни давно и надолго стала Маша Протасова.

Но вернемся немного назад. Одна из сводных сестер поэта, Екатерина Афанасьевна Бунина, вышла замуж за Андрея Ивановича Протасова. В 1805 году он умер, оставив жене двух дочерей: Машу (род. в 1793 г.) и Сашу (род. в 1795 г.), и большие долги. Расплатившись с долгами, Екатерина Афанасьевна поселилась в Белеве, недалеко от Мишенского. Видя стесненное положение Протасовой и трудность при ее средствах нанять хорошего учителя, Жуковский предложил заниматься с девочками. Протасова

согласилась. Жуковский горячо увлекся этим делом, составил обширный план занятий, имеющий целью не только сообщить ученицам знания, но и развить их нравственные качества. Основой обучения и нравственного воспитания стала литература. Василий Андреевич сам подбирал и переводил произведения для своих воспитанниц.

М. А. Мойер (Протасова)
Рис. В. А. Жуковского (1820)

Жуковский горячо привязался к девочкам, особенно к старшей, Марии. Вскоре он понял, что полюбил ее. Жуковский думал сформировать из неразвитой еще духовно и умственно девочки жену, такую, как она рисовалась в его воззрениях. «Я был бы с нею счастлив, конечно! Она умна, чувствительна, она узнала бы цену семейственного счастья и не захотела бы светской рассеянности»,— записывает он в дневник. Жуковский поверил в возможность своей мечты, тем более что Маша отвечала ему взаимностью.

Свои размышления Жуковский поверял дневнику. По дневникам можно составить себе ясное представление о душевном облике, настроении и взглядах Жуковского в эту эпоху. Как отмечает литературовед И. М. Семенко, «поэт с величайшим вниманием анализирует свое душевное настроение, стремится этим путем выработать в себе твердые нравственные принципы, осмыслить свое отношение к жизни, религии, выработать свое этическое credo». Вот, например, запись в дневнике от 3 января 1806 года:

«Б у д у щ а я ж и з н ь

- 1) Что я должен и могу из себя сделать со стороны морального образования.
- 2) Какова теперь М<аша> и какую я желаю ей быть.
- 3) Какая цель моей жизни и как до нее достигнуть.
- 4) В чем должен положить свое счастье.
- 5) Чего искать в свете и от чего отказаться.
- 6) Как пользоваться самим собою, чем заниматься и чем доставлять другим пользу.
- 7) Как себя образовать и какой методе следовать в чтении.
- 8) План моей жизни: семейственной; авторской; общественной.
- 9) Что я должен иметь необходимо для своего счастья.
- 10) Как вояжировать и что делать, если не поеду вояжировать.

М о р а л ь н а я с и с т е м а

В отношении к Богу; к ближнему; к себе самому.

К Б о г у . 1) Понятие о религии натуральной и откровенной: на них основывать свои поступки. 2) Понятия о творении. 3) Молитва. 4) Провидение.

К б л и ж н е м у . 1) Человеколюбие. 2) Общество. 3) Любовь к отечеству. 4) Уচিতость, любезность. 5) Супружество. 6) Дружба. 7) Благодеяния. 8) Светские знакомства. 9) Дуэль. 10) Любовь. 11) Обхождение. 12) Разговор. 13) Снисходительность. 14) Откровенность. Прямодушие. 15) Мода. Странность. 16) Слуги. 17) Родные. 18) Общее мнение. 19) Великодушие. 20) Справедливость. 21) Жалость. 22) Говорить правду.

К с а м о м у с е б е . 1) Спокойствие души. 2) Душа. 3) Характер. 4) Ум. 5) Тело. 6) Добродетель. 7) Ревность. 8) Вспыльчивость. 9) Гордость, кротость. 10) Экономия. 11) Умеренность. 12) Осторожность. 13) Скромность. 14) Злоречие. 15) Целомудрен-

ность. 16) Уважение самого себя. 17) Свобода. 18) Постоянство. Твердость. 19) Надежда. 20) Мужество. 21) Чувствительность. 22) Мнение. 23) Честность. 24) Совесть. 25) Смерть. 26) Состояние. 27) Порядок. 28) Образ жизни. 29) Счастье. 30) Слава. 31) Хозяйство. 32) Здоровье. 33) Скука. 34) Чтение. 35) Лень, медлительность».

М. А. Протасова
Рис. В. А. Жуковского (1811)

В. А. Жуковский в юности

В 1808—1811 гг. Жуковский редактирует «Вестник Европы». В это время он сближается с Н. М. Карамзиным, П. А. Вяземским, часто общается с Александром Тургеневым, знакомится с К. Н. Батюшковым. Несколько экземпляров первого своего выпуска он послал в Белев. Но его собственное творчество пронизано мыслями о Маше. Две сказки его, напечатанные в «Вестнике Европы»: «Три сестры» и «Три пояса» — о ней, героини их Минвана и Людмила — она, Маша. Всем им по пятнадцать лет, эти сказки — подарок к пятинадцатилетию Маши.

Маша пишет ему письма: «Вестник разлучит нас по крайней мере на год! Очень грустно об этом думать! Пожалуйста, пиши ко мне почаще... Помнишь ли, мой милый друг, как было весело, как ты меня учил рисовать. Когда-то опять это будет. Милый мой Базиль, когда приедешь ты к нам...», усердно занимается образованием, переводит повесть М. Эджворт «Прусская ваза» (этот перевод Жуковский позже напечатает в «Вестнике Европы»).

Но Жуковский уже знает, что Екатерина Афанасьевна, которой он открыл свою любовь к Маше, не одобряет его. Причины — Маша еще ребенок, а главное, они состоят в близком родстве (хотя Жуковский был сводным, а не родным братом Екатерине Афанасьевне). Возможно, Екатерина Афанасьевна, отказывая Жуковскому, имела в виду (хотя и не говорила ему) и еще одно препятствие — его происхождение. Он мог быть другом семьи, воспитателем ее дочерей, но мужем одной из них... об этом она не хотела и думать. Жуковский понимал, что Маша не пойдет против воли матери, он и сам воспитывал ее в таком духе.

1812 год. Жуковский заканчивает «Светлану». Первоисточником «Светланы», как и более ранней «Людмилы», также явилась «Ленора» Бюргера, но у Жуковского получились произведения настолько самостоятельные, настолько не похожие на свой прообраз, как и друг на друга:

*Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота баимачок,
Сняв с ноги бросали...*

Вскоре и навсегда «Светлана» делается знаменитой, и часто у современных читателей имя Жуковского сразу же и прочно ассоциируется с этим именно произведением.

Однако, Отечество в опасности! Французские войска, предводительствуемые опытнейшими полководцами, вторглись в пределы России. И Жуковский решает вступить в народное ополчение. Он отправляется из Холха в Москву, так как на Орловщине ополчение еще не создавалось. Жуковский был зачислен в Первый пехотный полк Московского ополчения, который 19 августа отправился из Москвы: «Я благословил Жуковского на брань: он вчера выступил отсюда навстречу неприятелю», — писал 20 числа Карамзин И. И. Дмитриеву. Вместе с Московскими ополченцами Жуковский был участником Бородинского сражения — хотя их полк простоял весь день в резерве, но подвергался пушечному обстрелу: было много убитых и раненых. Так же ополченцем был в Бородинском бою и Вяземский.

Вскоре Жуковский был прикомандирован к штабу Кутузова, и здесь-то он смог применить против врага свое главное оружие, единственное, которым он владел в совершенстве — Слово.

В сентябре 1812 года он приезжает в Орел. Маша Протасова записывает в дневнике (10 сентября): «Вдруг наш добрый Жуковский явился из армии курьером к губернатору в 7 часов вечера. Этот бесподобный вечер никогда не забудется... Было очень много гостей, все приходили его смотреть, он нас успокоил много насчет дурных слухов... Он приехал к губернатору, чтобы ему рассказать, что сюда, в Орел, привезут пять тысяч человек раненых; тридцать будет стоять у Плещеевых в доме, и мне готовить для них корпию и бандажи».

Целый месяц Жуковский занимался в Орле устройством госпиталей, делал закупки для армии. 10 октября Екатерина Афанасьевна сама записывает в Машинном дневнике: «День памятный в наших горестях: Жуковский, добрый наш Жуковский опять поехал в армию». День знаменательный — в этот день русская армия вступила в Москву, оставленную неприятелем. Вернувшись в штаб армии, Жуковский начинает большую элегию, принесшую ему поэтическую славу, «Певец во стане русских воинов». Эта торжественная песнь есть и воззвание на битву, восхваление героев, скорбь о погибших, воспоминание об исторических корнях России.

И. И. Лажечников, также участник событий 1812 года, записал в «Походных записках» (20 декабря): «Часто в обществе военном читаем и разбираем «Певца во стане русских», новейшее произведение г. Жуковского. Почти все наши выучили уже сию пьесу наизусть. Какая поэзия! Каков неизъяснимый дар увлекать за собою душу воинов!..». А Николай Коншин писал: «Эта поэма, по моему мнению, достойная Георгия 1-й степени, делала со мной лихорадку».

Писал Жуковский и штабные документы. Написанное им стихотворение «К старцу Кутузову» («Вождю победителей») было напечатано в походной типографии и листовкой распространялось по армии.

Однако, Жуковский заболел, был перевезен в госпиталь в Вильно, а затем получил бессрочный отпуск и в январе 1813 года приехал в Муратово. В это время неоднократно издается отдельными брошюрами и в журналах его «Певец во стане русских воинов» и Жуковский начинает подумывать о собрании сочинений. Он собирается целиком посвятить себя «авторству».

Жуковский вновь пытается определить свои отношения с Екатериной Афанась-

евной, заручившись поддержкой влиятельных знакомых и родных, сочувствовавших ему. Здоровье же Маши, и без того слабое, ухудшалось от невыносимых страданий. В марте 1814 года состоялся решительный разговор Василия Андреевича с матерью Маши, но получил решительный же и непреклонный отказ.

Жуковский и Маша потратили долгие годы на борьбу и десять лет не теряли надежды, пытаясь добиться согласия матери Маши на их брак. Между тем Е.А. Протасова ссылалась на родство и религиозные запреты и была непоколебима в своем отказе. Эти годы двое близких людей не могли видеться, кроме как на людях, переписывались.

Эти годы ознаменовались и многими событиями, как в стране, так и в жизни Жуковского. Он познакомился и сблизился с молодым еще Пушкиным и оценил его чудный дар. Было создано литературное товарищество «Арзамас», в котором Жуковский принял самое живейшее участие...

1817 год. 14 января Маша Протасова обвенчалась с профессором Дерптского университета, хирургом И. Ф. Мойером (впоследствии ставшим учителем выдающегося хирурга, героя Севастопольской обороны Н. И. Пирогова). Она решила на этот брак потому, что Мойер, как и Жуковский, не мог без нее жить, и потому, что в нем она нашла подобие Жуковского.

Жуковский нашел в себе силы приветствовать брак М. А. Протасовой, он был на свадьбе. Друзья не понимали, как мог он решиться дать Маше согласие на замужество. «Минута, в которую я решился,— отвечал он на упреки А. И. Тургенева,— сделала из меня другого человека... Я хлебнул из Леты и чувствую, что вода ее усыпительна. Душа смягчилась. К счастью, на ней не осталось пятен; зато бела она, как бумага, на которой ничто не написано. Это-то ничто — моя теперешняя болезнь,— столь не опасная, как первая, и почти похожая на смерть... Но не бойся! Я не упаду. По крайней мере, я надеюсь воскреснуть» (письмо от 25 апреля 1817 года).

В это же время Жуковский получает предложение о службе — быть учителем русского языка при молодой супруге Великого Князя Николая Александре Федоровне (прусской принцессе Фредерике-Луизе-Шарлотте-Вильгельмине). Это назначение послужило началом долгой педагогической деятельности Жуковского при императорском дворе.

Когда он может вырваться, он приезжает к Мойерам в Дерпт. Вот как записывает Маша в своем дневнике об очередном приезде Василия Андреевича: «Я стала еще счастливее с тех пор, как он еще раз благословил мое счастье... Его пребывание здесь много сделало мне добра: оно подкрепило все хорошее в сердце и дало снова сил на будущее». В 1821 году у Мойеров родилась дочь Катя: «Милый ангел! — пишет Маша Жуковскому,— какая у меня дочь! Что бы дала я за то, чтоб положить ее на твои руки». Саша Воейкова, приехавшая навестить сестру, дописывает: «На Машу весело глядеть...».

В день своего рождения, 29 января 1822 г., Жуковский приехал к Мойерам. «Душа, ты можешь вообразить, каково было увидеть его и подать ему Катю! Ах, я люблю его без памяти и в минуту свидания чувствовала всю силу любви этой святой», — писала Маша после отъезда Жуковского (1 февраля) А. П. Елагиной.

Летом Маша с Мойером приехали из Дерпта в Муратово. По дороге она навестила бывший дом Жуковского в Белеве. В Муратове ждало ее письмо от Жуковского. «Ангел мой милый, старый мой Жуковский!.. Твое письмо возвратило мне все! И прошедшее, и потерянное в настоящем, и всю прелесть надежды... Теперь нет для меня горя! И в Муратове я теперь счастлива!.. Твоя комната, с письмом твоим в руках, есть мой рай земной!..» — отвечала она. Ее привезли в Муратово уже опасно больной.

В конце февраля 1823 года Саша Воейкова собралась в Дерпт, чтобы находиться с сестрой при ее родах. Жуковский поехал с ней. У него был лишь недельный отпуск и 8 марта он решил возвращаться. Вот как описывает он в письме А. П. Елагиной свое прощание с Машей: «Долго ждал лошадей, всех клонил сон. Я сказал им, чтобы разошлись, что я засну сам. Маша пошла наверх с мужем. Сашу я проводил до ее дома... Возвратясь, проводил Машу до ее горницы; они взяли с меня слово разбудить их в минуту отъезда. И я заснул. Через полчаса все готово к отъезду. Встаю, подхожу к ее лестнице, думаю — идти ли, хотел даже не идти, но пошел. Она спала, но мой приход ее разбудил; хотела встать, но я ее удержал. Мы простились; она просила, чтоб я ее перекрестил, и спрятала лицо в подушку...».

Не прошло и двух дней с момента приезда Жуковского в Петербург, как пришло известие о смерти Маши. Жуковский пишет А. П. Елагиной: «Я опять на той же дороге, по которой мы вместе с Сашей ехали на свидание радостное... Ее могила — наш алтарь веры, недалеко от дороги, и ее первую посетил я. Покой божественный, но непостижимый и повергающий в отчаяние. Ничто не изменяется при моем приближении: вот встреча Маши! Но, право, в небе, которое было ясно, было что-то живое. Я смотрел на небо другими глазами; это было милое, утешительное, Машино небо». Рядом с Машей был похоронен и ее родившийся мертвым сын.

*Ты предо мною
Стояла тихо,
Твой взор унылый
Был полон чувства,
Он мне напомнил
О милом прошлом;
Он был последний
На здешнем свете.*

*Ты удалилась,
Как тихий ангел;
Твоя могила
Как рай спокойна,
Там все земные
Воспоминанья,
Там все святые
О небе мысли.*

*Звезды небес!
Тихая ночь!..*

Перед смертью Маша написала Жуковскому письмо, которое и прочитал он на ее могиле: «Друг мой! Это письмо получишь ты когда меня подле вас не будет, но когда я еще ближе буду к вам душою. Тебе обязана я самым наивысшим счастьем, которое только ощущала!.. Жизнь моя была наисчастливейшая... И все, что ни было хорошего,— все было твоя работа...».

А вот строки из письма Жуковского к Маше, написанное в 1817 году, когда уже становилось ясно, что препятствия их соединению непреодолимы: «Я никогда не забуду, что всем тем счастьем, какое имею в жизни, обязан тебе, что ты давала лучшие намерения, что все лучшее во мне было соединено с привязанностью к тебе,— что, наконец, тебе же я обязан самым прекрасным движением сердца,— которое ре-

шилось на пожертвование тобой... В мыслях и чувствах постараюсь быть тебя достойным! Все в жизни — к прекрасному средство!..»

По воспоминаниям всех, знавших М. А. Протасову, она была необыкновенно обаятельна, хотя и не отличалась красотой, — живая, остроумная, простая, сочетающая ум с воображением, доброту с образованностью. «Когда вчитываешься в письма М. А. Протасовой-Мойер, как-то сам собою выплывает в памяти образ пушкинской Татьяны», — отмечал П. Н. Сакулин. «Разбирая черты ее, я находил даже, что она более дурна, но во всем существе ее, в голосе, во взгляде было нечто неизъяснимо-обворожительное. В ее улыбке не было ничего ни радостного, ни грустного, а что-то покорное. С большим умом и сведениями соединяла она необыкновенную скромность и смирение. Начиная с ее имени, все было в ней просто, естественно и в то же время восхитительно. Других женщин, которые нравятся, кажется, так взял бы да и расцеловал, а находясь с такими, как она, в сердечном умилении все хочется пасть к ногам их. Ну, точно она была как будто не от мира сего» (Ф. Ф. Вигель).

Такой предстает она и на рисунках Жуковского.

ЭПИЛОГ

По сути дела, Василий Андреевич Жуковский был всю жизнь очень одиноким человеком. Друзья уходили из жизни раньше него: Андрей Тургенев, Пушкин, Козлов... Ушла из жизни Маша Протасова-Мойер, через некоторое время не стало и ее сестры Саши — «Светланы», как ее называли близкие, по имени героини одноименной поэмы Жуковского.

Годы после смерти Маши были заполнены творчеством, общением с литераторами (он сблизился с Аксаковым, Гоголем, познакомился с Лермонтовым, Тютчевым), службой при дворе (он был учителем наследника престола), путешествовал. До конца жизни заботился он о дочери Маши и Сашиных детях.

Свою семью Жуковский обрел лишь 21 мая 1841 году, обвенчавшись в русской и лютеранской церквях Штутгарта с Елизаветой Рейтерн, дочерью своего друга художника Г. Рейтерна. Там же, в Германии, в 1842 г. рождается дочь Александра, в 1845 — сын Павел.

12 августа 1852 года сердце Жуковского перестало биться. Последний год своей жизни он, полуослепший, затворившись в темной комнате своего дома в Баден-Бадене, работал над поэмой «Вечный Жид», писал последние свои стихи, и все еще надеялся вернуться в Россию. И он вернулся: 29 августа он был похоронен в Санкт-Петербурге на кладбище Александро-Невской лавры, рядом с Н. М. Карамзиным и И. И. Козловым. Гроб несли на плечах студенты Университета. Проводить его в последний путь пришли Ф. И. Тютчев, П. А. Плетнев, А. И. Козлова (дочь поэта), Е. П. Ростопчина, А. П. Елагина.

Кирилл Карлов
(г. Москва)

**УРСУЛА ЛЕ ГУИН.
ВОЛШЕБНИК ЗЕМНОМОРЬЯ**

Кирилл Карлов — представитель той части нашей молодежи, которая строит свою деятельность на началах рациональных и творческих. По образованию востоковед, синолог. Выпускник Дипломатической академии МИД РФ. Проходил стажировку в китайском Институте международных отношений (Пекин). В настоящее время работает специалистом-экспертом по международным связям.

Срочную службу проходил в одном из подразделений ВКС России. Младший сержант запаса.

Предоставляя в нашем журнале площадку для дебюта начинающего автора-переводчика, мы верим, что активная жизненная позиция Кирилла, многогранность его личности станут залогом будущих успехов.

Почему путешественник во времени не обнаружит нас летящими на другие планеты? Хотя бы уже потому, что мы не изобретем способ путешествия во времени.

Первое, что надо понимать, проза Урсулы Ле Гуин это нечто мощное и каноничное — как и все, сделанное в 60-ых. Видишь, что добротное и круто, но не сразу понимаешь, как устроено, для чего вообще нужны некоторые детали. Однако все встанет на свои места, когда мы вспомним, что в год первой публикации «Волшебника Земноморья» на прачечных висели таблички «для белых» и «для цветных». И речь вовсе не о типах тканей.

Никогда не любил фантастику как жанр, но к книгам Ле Гуин это, конечно, не относится. В силу, во-первых, высокого качества прозы, что отсылает нас ко временам, когда это не было чем-то из ряда вон выходящим, поскольку планка была установлена очень высоко, как у литераторов в целом, так и у коллег по цеху в частности. Во-вторых, как формулировала свой взгляд на жанр сама писательница, история про единорогов может быть вполне правдивой, несмотря на тот факт, что основной предмет описания строго говоря — ложь. Это фантастика для гуманитариев. Ле Гуин интересуется не способ перемещения в космическом пространстве, не технология создания жидкости, в которой невозможно захлебнуться, а облик человека в грядущем. Ведь как бы мы ни саботировали процесс, будущее непременно наступит, и неважно, что летающих машин у нас не появится. Как и герои ее произведений, мы, если признать себе, уже прилетели, уже все изобрели, нам предстоит долгое постижение.

У Земноморья нет очерченных границ, нет фэнтезийных рас. Земноморье не является непролазным средневековьем, утопающим в вечной слякоти, герои книги не умирают на каждой странице. Собственно говоря, и волшебник-то условный. Литературная фантастика хороша в том случае, если ее невозможно экранизировать. Вместе с тем, этот удивительный текст, ускользающий от всех форм, которые так или

иначе заставят его работать для получения прибыли, пожалуй, один из самых лучших материалов для постижения эстетики литературного произведения. Это пластилиновый океан, недоступный грубым рукам, но податливый для фантазии. Мы можем представить карту Земноморья при взгляде на островки облупившейся со стен муниципального учреждения краски, мы можем так отчетливо представить лица героев книги, будто нам показали их фотографии. Земноморье — это некоторое пространство, где расстояние нужно не пересечь, а прожить, где нельзя сделать прививку, но можно отсечь руку. Главные герои будут снова и снова пытаться разглядеть своего упрямого Бога, который снова и снова будет вглядываться в них.

Интересно познакомиться с образом, которым обозначено зло на страницах «Волшебника Земноморья». Что может стать таким абстрактным символом? Тридцатилетний детина, который порывается поучать жизни все свое окружение, пусть даже это автобусная остановка. Ну еще, может быть, Рональд Рейган — все остальное не дотягивает до категории абсолютного зла. На самом же деле злом становится все, что человек способен понять до конца. Сложно сказать, намеренно ли уродуются и искажаются те или иные понятия, либо это происходит по каким-то независимым от человеческой природы законам. Возьмем даже самую благородную и правильную идею, например, учить детей. Переведем взгляд с этой абстрактной мотивации на систему детского и юношеского образования в любой стране мира и постараемся не ужаснуться от того абсурда, в который изначально чистая и понятная мысль превратилась. Более того, этот абсурд, это зло начинает преследовать человека, стоит тому возомнить, что его воле все подчиняется, что все ему доступно. Чтобы избавиться от такой погони, надо поставить себя на самый край той экзистенциальной пропасти, в которую превращается существование загнанного злом человека, на самый край той бездны, в которую провалилась страдающая душа. Потому-то человек и не летит на другую планету, что он до конца не познал и открыл эту. Как бы ни было обидно это осознавать, смеяться можно далеко не над всем. Да, это не ошеломляющая мудрость, но за нее очень многим пришлось дорого заплатить.

Из произведений Урсулы Ле Гуин становится ясно, что это интересный и глубокий философ-феминист, анархист, внимательный антрополог и социолог. Но можем ли сказать, что это религиозный человек? «Нет правильных ответов на неправильные вопросы» — это ее цитата, которая как нельзя лучше подойдет в данном контексте. Научная фантастика — сам по себе религиозный жанр, более того, принадлежащий к типу религиозности с высоким содержанием неопитского фанатизма. Как удивительно: люди становятся готовы до смерти отстаивать религиозные постулаты, стоит намекнуть, будто это секулярная тема и основа научного прогресса. Приходится признать — фантасты те еще плуты — эльфы эльфами, а проводят нас раз за разом.

Итак, что позволяет нам возвести писательницу в чертог культовых авторов? Она талантливый человек, она принадлежит к пантеону шестидесятников, пусть и отмечена в основном регионально значимыми наградами, наконец, как любой культурный деятель, которому за восемьдесят (родилась писательница в 1929 году), она имеет право на культовый статус. Но что еще? Урсула Ле Гуин трудится над созданием нового мифологического полотна для человечества. И вот здесь стоит искать истоки ее странных образов, неподдающихся воплощению, но мгновенно воспринимаемых нашим сознанием. Что-то древнее, неочевидное, словно бы пришедшее из беспыльной культуры. Пытается донести суть явлений, предметов и понятий, что-то важное показать и объяснить. Драмы сюда также добавляет тот факт, что человек крайне мало изменился с тех далеких времен. Открытие электричества не повлияло на то, что такие понятия как жизнь и смерть, добро и зло потеряли для нас ореол тайны. Мы такие же перепуганные и сомневающиеся. Нас все еще вгоняют в оцепенение гром и

молния. И когда мы полетим на космических кораблях, ничего опять же не переменится. И в этом свете научная фантастика по выражению самой Ле Гуин — это «трагичный» миф.

Мифотворчество можно назвать отличительной чертой многих авторов, чьи произведения (основные, во всяком случае) были написаны в двадцатом веке. Толкин, Платонов, Джойс, Маркес, Буццати, Воннегут — самые, пожалуй, яркие, но, разумеется, не единственные. Возможно, это такой опознавательный жест: бросить флаг, найти своих. Возможно, это своего рода осознанная необходимость, пропуск в мир литературы, закон, по которому стоило создавать художественные произведения. Романтика нового эпоса: книги перечисленных авторов можно открыть на любой странице — кардинально ничего не изменится, так же, как ни на что не повлияет выбор книги, с которой мы начнем знакомиться с творчеством. Вероятно, для современной литературы также уместно (или хотя бы возможно) выработать некий этикет, если угодно. По всей видимости, осмысление этого вопроса нам еще предстоит, но на инстинктивном уровне мы можем сказать, что, вероятно, современная литература — это очень сложный, перегруженный непрямым цитированием и отсылками текст, в котором, чтобы выразить даже простейшую мысль, требуется проделать очень большой путь, схематично отражающий массивный культурный пласт, повлиявший на формирование личности автора, а также исторически и социально значимые события. Буквально все от изобретения дымного пороха до Бури в пустыне и от стремления средневековых авторов уменьшить яркость собственной личности до коленопреклоненной Марлен Дитрих, целующей руку Паустовскому.

Фантаст — это тот писатель, который умеет точно определить все случайные моменты нашего бытия и заменить их на что-то нетривиальное — магию или здоровый феминизм — подумалось мне, когда я закрыл книгу Ле Гуин. Кстати говоря, эту винтажную штуку достать не так-то просто: пока дождетесь доставки букинистического издания начала двухтысячных годов из Штатов, запросто можно перечитать все фэнтези, от которого начинается конъюнктивит и ломаются полки наших книжных вот уже лет двадцать. Счастье — это найти «какой-то свой путь в мудрые книги».

ЖИЗНЬ И ТРУД

*(отклики авторов и читателей «Приокских зорь»
на прошедший съезд Союза писателей России)*

Медленно, но верно (хотя, конечно, не так и медленно в силу высоких скоростей обработки информации, свойственных современности) приближается середина XXI века. Казалось бы, все сферы человеческой жизни — от удовлетворения элементарных потребностей до самовыражения, в том числе и через творчество, подлежат эволюции, продиктованной нано, техно, генно и прочими технологиями. И если в области обеспечения себя самым необходимым все ясно, хотя и не все просто, в области творческого (писательского) самовыражения все... (трудно подобрать нужное высказывание, так как времена такие — демократические, приходится осторожничать).

Ожидание XV съезда Союза писателей России сопровождалось слухами, мнениями, позитивными и негативными высказываниями, без чего, конечно, не может обойтись любое, причем такое масштабное, современное мероприятие, тем более что и назревшие обстоятельства — смена председателя, мягко сказать, волновали и тревожили писательскую интеллигенцию.

Будучи в Союзе писателей человеком новым (вступление состоялось в 2013 году), тем более — человеком, пишущим стихотворения преимущественно не на политические темы и, кроме того, что еще больше усугубляет ситуацию, — женщиной, мне пришлось долго думать, прежде чем заняться сего рода публицистикой (хотя это во все не трудно, а даже увлекательно, так как по роду научной деятельности приходится регулярно сталкиваться с написанием статей и рецензий — работаю доцентом в Тульском государственном университете). Дело в другом — принять всерьез умозаключения девушки (женщиной всегда успею назвать себя) может не каждый уважающий себя маститый писатель или мыслитель, если угодно. Часто слышу в свой адрес: «Пишет о цветочках и ягодках», но не обижаюсь, а мысленно улыбаюсь: «Кому-то нравится собирать цветочки и ягодки»... Придет время — придет и мысль — другая, зрелая, мощная, возможно, политизированная, но другая — писательская, крепкая. А пока — цветочки и ягодки, да и не они одни — судьба, по которой никак не пройдешь мимо цветочков и ягодок...

Но это — отдельная тема, хотя она и касается настоящих моих рассуждений.

Выборы — дело ответственное, серьезное, особенно, если есть за кого голосовать, в том смысле, что, если есть такой человек, который вызывает доверие, показывая своим трудом пример того, что есть сегодня (и была всегда) настоящая писательская деятельность. Самое важное в писательской деятельности — это предыстория, это тот фундамент, который закладывает писательское направление, формирует мышление, идеологию и ценности, в рамках которых (не строго, конечно, творчество — это процесс, не имеющий границ) будет совершено творческое деяние. Завидую (в хорошем смысле этого слова) людям, жившим в СССР (хотя не коммунист не по партийной принадлежности, не по сути — росла и воспитывалась в 90-ые): мораль, нравственность, светлая мысль, формируемые способности и самое главное — трудолюбие руководили этими людьми. Трудолюбие — вот принцип оттачивания творческой мысли.

Не хочу называть никаких фамилий, хочу сказать следующее: при всей любви к литературе, не могу позволить себе творить более сорока стихотворений в год (при большем количестве проявляется глупость и пустота). Помимо этого, могу только видеть (пока только видеть!) замыслы своих будущих прозаических произведений. Нет времени на это у доцента — беготня, куча документации, профориентация, внеучебная работа и прочее, прочее, прочее, не считая основного своего доцентского предназначения — сеять разумное и светлое (здесь просится отвлечение на другую

тому, но об этом как-нибудь в другой раз). Возникает вопрос — быть депутатом Государственной думы для некоторых проще? Лучше? Денежнее? Интереснее? — Остается время на написание невечных романов, которые расхваливают самые именитые (и талантливые, не без этого) российские и зарубежные авторы. Или мысли о народе пробуждают бурное неисчерпаемое вдохновение, писательский энтузиазм и, кроме того, высвобождают уйму времени для реализации и воплощения в жизнь этого писательского энтузиазма? И это только вершина пирамиды, которая, несомненно, имеет и подземные коммуникации.

Как никто иной — писатель должен знать, что за всем творчеством должна стоять жизнь — настоящая, грубая, порой жестокая. Жизнь и труд — не гламур, не медийность, не написанные по дружбе и прошению рецензии. Жизнь и труд.

Никого не осуждаю и здесь (в случае раскрученности и популярности), не завидую, так как не видится мне та основательная подоплека, которая сделала бы произведение особенными — приводящими человечество в чувство — чувство ответственности и серьезности за проделанные поступки.

И наоборот — незабытый Афганистан (этого забыть нельзя) и знание изнутри писательской организации дает понимание того, что... труд будет виден. Надежды — надеждами, а гладко все не будет, но — труд будет виден, и думаю, будет по достоинству оценен достойными потомками.

Съезд состоялся. Писатели сделали выбор.

*Кандидат технических наук, доцент,
член Союза писателей России
Баранова (Весина) Елизавета*

СОХРАНИТЬ ЛИТЕРАТУРНУЮ РОССИЮ

С учетом накопившихся в нашем Союзе проблем, я ожидал, что упор в работе съезда будет больше посвящен именно им, тем более, что предпочтение в прениях отдавалось региональным руководителям. Давайте будем честными! При всех огромных заслугах Валерия Ганичева, как руководителя Союза, Союз-то существовал больше формально. Роль Москвы в основном свелась к утверждению (или не утверждению) принятых в регионах, да выписке членских билетов. Мы в разных изданиях больше читали о каких-то темных делах с писательскими дачами, до которых писателю из Южно-Сахалинска или Хабаровска нет абсолютно никакого дела, потому что, если ему и дадут возможность пожить месяц в Переделкино, много дешевле, с учетом стоимости билетов до Москвы, обойдется отдых в Китае или Малайзии. Да и кто остался в Литфонде, о котором нет информации о вступлении, о выборах, о текущих делах.

Мы много читали об усилиях руководства сохранить здание на Московском, но когда сохранение здания становится главной темой, это похоже на то, чтобы собрать в Великую Отечественную войну все силы на защиту Кремля, бросив на произвол всю остальную страну. Да, должно быть у Союза свое здание! Они есть у многих региональных писательских организаций. Имеющих долги по ЖКХ на сотни тысяч рублей и никаких вариантов с этими долгами рассчитаться. У нас, например, здание отобрали десяток лет назад, у отделения нет своего угла, но при этом работа организации продолжается.

Еще мы читали, что состоялось заседание Пленума в Якутии, еще в каких-то городах, где удалось убедить местные власти выделить деньги на это мероприятие, которое сочтут имиджевым. А что решали, и что решили, ни в прессе, ни на своем сайте, ни в рассылке региональным руководителям не говорилось.

Еще из информации на сайте «Российский писатель» мы знали, что кто-то из руководителей побывал в Дагестане, в Донецке, в Сирии, посетил Вологду или Белгород... А региональные организации жили своими заботами, каждая решая по сути общие для всех проблемы в зависимости от приоритетов губернатора. Читает книги, значит, как в Курске, писательская организация будет иметь деньги на мероприятия и даже на фонд заработной платы, увлекается спортом, значит деньги идут на биатлон, хоккей, бассейны, но не на издание книг и проведение литературных мероприятий. Это я уже про нас. В Тюменской области департамент культуры в 2017 году не выделил на наши нужды ни рубля. Ни рубля! Два года мы писательские десанты в отстоящие от Тюмени за 400 и более километров районы проводили на общественных началах, за свой счет и на личной машине.

Да, у нас издается литературный альманах, печатаются книги. Но альманах с конца 90-х не самых тучных в плане экономики годов «похудел» на треть и вдвое сократил периодичность, на книги ежегодно выделяется от 12 до 14 миллионов, но только один из них предусмотрен целевым назначением на книгоиздание, остальное выпрашивается из депутатского фонда народных избранников, которые поддерживают издание книг. Но и тут требуется уточнение. Из всего объема на бюджетные деньги художественных книг печатается в год три-четыре, остальное — дорогие альбомы, корпоративные издания, краеведческие.

Общаясь с коллегами из других регионов, знаю, что в большинстве ситуация точно такая же или похожая. Поэтому и ждал, что разговор пойдет более острый о том, как Союзу сплотить силы для изменения отношения к литературе и писателям на правительственном уровне. Дважды я был участником книжной выставки на Красной площади, слышал на проходивших там форумах из уст Сергея Степашина и Михаила Сеславинского правильные слова и радужные отчеты, которые подготовили им их подчиненные, не желающие ударить в грязь лицом. Нам рассказывают о принятых президентом страны и ведомствами десятилетия детства, которое не может не учитывать детскую литературу, о федеральных программах развития чтения и прочих других программах, но тут же оговариваются, что финансирование их предусмотрено за счет региональных бюджетов. А это значит, что решать будет губернатор, дать ли деньги на поездки писателей по области или на подвоз из карьеров снега на подтаявшую лыжню накануне какого-нибудь чемпионата.

Но я рад, что хоть эти вопросы и поднимались недостаточно остро, изменения намечались. И это почувствовалось сразу же. На сайте появилась подробная информация о работе секретариата: что рассматривалось, какие решения приняты. Сделана рассылка документов, в том числе — Распоряжение Президента, для руководителей регионов, почувствовалось оживление среди писателей, воспрявших духом в надежде на позитивные изменения.

Наша организация работает активно, но все делается исключительно на голом энтузиазме. В этом году областной писательской организации исполняется 55 лет, но пока не решен вопрос о финансировании хотя бы одного из задуманных нами многочисленных мероприятий. Потому и ждем мы, что новое руководство сможет решить на высшем уровне те проблемы, решения которых писатели ждут уже много лет.

*Леонид Иванов,
ответственный секретарь Тюменского
регионального отделения Союза
писателей России, делегат 15 съезда*

ДОБРЫЙ ДЕНЬ, УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ!

На данный момент времени я не состою ни в одной чисто писательской организации (только в Крымском союзе журналистов — это СМИ), хотя есть свои две книги (сборник очерков и стихов) и публикации в различных изданиях. Причина? Скорее всего, та «мышинная возня», которая присутствует между творческими союзами — кто важнее? Кто должен обладать имуществом бывшего СП СССР? И т.д. Это все очень неприятно! А главное, не имеет никакого отношения к настоящей литературе и ее роли в обществе. Тем не менее, я слежу за процессами, происходящими в писательской среде и в Крыму, и в целом по России. А как литобъединение - отдаю предпочтение Союзу писателей России.

Спасибо сайту СПР «Российский писатель»! Они выложили полную стенограмму февральского съезда, которая позволяет оценить это важное событие. Понятно, что у собравшихся было много наболевших вопросов и желания выступить, но решались только основные — выбор председателя Союза и членов отчетных комиссий.

Если б я была на съезде, то поддержала бы кандидатуру Н. Иванова как председателя. С. Шаргунов, думаю, и так принесет большую пользу Союзу в качестве сопредседателя СПР и депутата ГосДумы.

Затронуты были серьезные вопросы и обновления членских билетов, и изменения условий приема новых авторов. Решения по этим вопросам, думаю, появятся позже.

Что касается общего состояния литературы и роли писателя на данном этапе в нашей стране. Конечно, государство должно плодотворно взаимодействовать с писательским сообществом, если хочет видеть своих молодых граждан образованными и культурно развитыми, достойной сменой, способной отстоять страну в любых испытаниях истории. Вот только «обществу потребления», установка на которое была дана лет 10—15 назад, писатели не нужны вообще. Литература, если она настоящая, качественная, будит сознание, заставляет размышлять, а бизнес-сообщество ждет только от граждан постоянного потребления каких-либо товаров (еда, одежда, гаджеты и т.д.) и взятых кабальных кредитов. Отсюда следует и пониженный образовательный стандарт в школах (а потом удивляемся, что молодежь не читает, не знает истории и т.д.), и отсутствие профессии «писатель» (зачем акцентировать внимание общества, что такие «чудаки» есть? Пишут себе, и пусть пишут...), поэтому-то и «порублена связь между писателем и властью» (В. Бояринов — Московское отделение СПР). У кого-то из выступающих на съезде прозвучало, что основной вызов современности — это «революционная смена мировоззрений, что и используется творцами «цветных революций». На мой взгляд, очень верный вывод. На опережение кризисных ситуаций могли бы и работать писатели...

Приятно было прочитать, а собравшимся на съезде услышать о достижениях Курского отделения СПР, о тесной их связи с губернатором, городскими властями, о результатах их совместной работы. Но таких примеров — пока единицы. Хочется верить, что идет все-таки процесс осознания, движения нашей страны вверх по спирали истории. И именно качественная литература в состоянии помочь в этом.

Да, 3 марта был Всемирный День писателя. Об этом можно было прочитать только в литгазете, да еще в нашем издании «Крымские известия». Возможно, где-то на региональном уровне тоже вспомнили. И все!

21 марта — День Поэзии, объявленный ЮНЕСКО. Может, услышим с телеэкранов?

Всего доброго.

*С уважением, Элина Рудая,
Республика Крым*

«ПОД ЛЕЖАЧИЙ КАМЕНЬ И ВОДА НЕ ТЕЧЕТ»

Читаешь доклады руководителей СПР и публикации, посвященные 15-му съезду писателей России, и поражаешься. Неужели эти люди, обеленные сединой, выступающие на съезде и пишущие о нем, ослепли и не видят, что писатели сегодня не нужны никому, кроме себя любимых?

Даже на проведение съезда, как пишет А. Бобров в статье «На волне единодушия», не было выделено ни одной государственной копейки! Это говорит о многом.

С помощью средств массовой информации, и прежде всего телевидения, в нашей стране происходит очевидная дебилизация общества, сведение на нет роли писателей, культурной интеллигенции. А ведь еще совсем недавно писатели у нас считались «инженерами человеческих душ».

Неужели не понятно, что без государственной политической и финансовой поддержки Союз писателей России в дееспособном виде существовать просто не может, а руководство организации не способно вывести его из глубочайшей кризисной ситуации. Среди писателей постоянно идет грызня, ссоры по пустякам, столкновение узвенных самолюбий. И движет этим гордыня, зависть и жадность.

При этом наболевшие проблемы литературы на протяжении десятилетий замалчиваются на всех уровнях.

Какова цель существования союза, если он практически не влияет на деятельность своих региональных отделений, не имеет своих издательств, постоянных источников дохода, средств массовой информации? В результате сегодня нет национально значимых писателей. Все местечковые. А могут ли талантливые и гениальные авторы сегодня пробиться на общероссийский уровень? К сожалению, нет. Литература становится «профессией в себе», страшно далекой от читателя.

На протяжении последних двух десятков лет писатели остро ощущают информационную блокаду, как в регионах, так и в центре. Возникает естественный вопрос, а кому это надо и зачем? Ответа нет. Глухие не слышат, а слепые не видят. Впрочем, они просто скорее всего имитируют глухоту и слепоту.

Странно слышать всхлипы о профессиональном союзе, когда произведения абсолютного большинства писателей издаются за их собственный счет и мизерными тиражами, а профессия писателя отсутствует в тарифно-квалификационном справочнике. На этом фоне, конечно же, мы великие профессионалы!!! Было бы смешно, если бы не было так грустно.

И в этой ситуации делегатами съезда поручено правлению произвести «обмен билетов и очищение рядов». Опять надвигается склока, взаимные претензии и раздоры. Вместо решения практических вопросов — «борьба с ведьмами». А судьи-то кто? По каким показателям будут оценивать прозаиков, поэтов и публицистов?

«Если из всех инструментов у тебя есть только молоток, то в каждой проблеме ты увидишь гвоздь», — говорил Марк Твен. Поэтому литературные гиены уже зашевелились и готовы рвать в клочья неудобных им конкурентов - писателей. А ведь Михаил Булгаков уже объяснял нам, что разруха живет не в сортирах, а в головах людей. Нужно работать и с уважением относиться друг к другу. А на вражде ничего хорошего не создашь. Считаю, что судьей писателю может быть только время и читатель.

Жизненный опыт подсказывает мне, что в сложившейся ситуации ждать каких — то серьезных изменений в лучшую сторону в деятельности нашего союза не приходится. Может быть я ошибаюсь — время покажет.

*Евгений Трещев,
член Союза писателей России*

ЗАМЕТКИ О МНОГОМ

В последние годы

*«Из банка времени Вселенной
на жизнь мне ссуду дал банкир»*
Г. З.

Хорошо себя цитировать, не нужно спрашивать ни у кого разрешения.

В последние годы ученые бьют тревогу, дескать, интеллект у населения планеты понижается и память ослабевает. Ничего нет в том удивительного, и даже аргументов для опровержения очевидного не находится. Такова плата за прогресс. Впрочем, статистика тоже не всеильна и не всегда дает всеобъемлющие данные, а только типа того: умный плюс дурак, в среднем полудурак. Но даже, если и так, то становится как-то неуютно от мысли, что человечество деградирует. Вирус равнодушия стирает программу главных человеческих ценностей. Как-то незаметно за недолгий срок знакомые тебе много лет люди вдруг превратились из добрых и отзывчивых в злых и завистливых. А всему виной:

Вирус равнодушия

Люди порой не сознают того, что во всех стихийных бедствиях они виноваты сами, так как позволили заразить свой ум и душу вирусом равнодушия и безразличия. С каждым годом этот вирус, противный природе человеческой, подвергается мутации силами зла. И если не остановить процесс разрушения нейронов и обезличивания, то в скором времени homo-sapiens превратится в зомби.

Забывая о том, что мы гости на планете Земля, большинство из нас ведут себя поскотски, разрушая и загрязняя вокруг себя все и вся. А потом еще удивляются и негодуют на то, что природа мстит обидчикам за насилие над ней.

Вместо того, чтобы покаяться и изменить свое отношение к природе, нашей мамушке-кормилице, люди начинают искать виноватых везде и всюду. Это же проще, обвинять кого-то и что-то, чем в своих мозгах копать, все ли там на месте. А там уже, увы, и ах! Материальные и нравственные ценности поменялись местами. А у некоторых уже получеловеков понятие о нравственности практически отсутствует. Поэтому основной принцип жизни такой особи — что хочу, то и ворочу, и никто мне не указ!

Деньги выше закона

Ничего нет удивительного в том, что когда есть деньги, то закон не страшен. А если денег огромное количество, то уже закон на службе у денежного мешка. Жаль мне российскую Фемиду. Над входом в здание Верховного суда РФ стоит она без повязки и меча. Когда согласовывали проект реконструкции здания, то в суде сказали главному архитектору проекта, что **«наша Фемида не может быть с закрытыми глазами, поскольку она все видит и все знает»**. То есть древнегреческих канонов было решено не придерживаться. И на изумленный вопрос: а как же, собственно, беспристрастие? — архитектор невозмутимо пояснял вопрошающим: **«Если вы заметили, наша Фемида без меча, то есть никого не режет и не бьет»**.

В свете последних судебных решений в деле «Оборонсервиса» мы воочию смогли убедиться в том, что в наших судебных органах слова не расходятся с делом.

Цена таланта

Бедное затрепанное и затасканное слово! Оно было в начале, ему и суждено завершить развитие человеческого общества. Слово — самое мощное оружие на Земле! Им можно убить и можно исцелить! Все зависит от того, в чьих руках (разрушителя или созидателя) находятся СМИ, министерства культуры и образования. Не следует сбрасывать со счетов и писательские союзы всех уровней. Литературные конкурсы, которые проводят собраты по перу с целью выявить в своей среде гения, всегда заканчиваются по заранее написанному сценарию. И призеры конкурсов, в основном, «свои люди», посторонние участники конкурсов в лучшем случае могут рассчитывать на дипломчик в электронном виде. Но бывают редкие случаи, когда пришлют и в бумажном виде.

Несколько лет назад я тоже принимала активное участие в различных литературных конкурсах. Но со временем поняла, что занятие это бесперспективное, так только, нервы пощекотать. Малоизвестному литератору тягаться с писателями и поэтами, награжденными за литературную деятельность орденами и медалями разного достоинства, конечно же, не по силам. Шансов 0,5 %. А приобрести эти медальки по цене моей ежемесячной пенсии, нет желания. Не настолько я тщеславна, чтобы жертвовать своим здоровьем ради мимолетного успеха. У вечности свои критерии в оценке таланта.

Остается только ждать и наблюдать. «Плетью обуха не перешибешь!»

О нынешних лауреатах

* * *

Память отлита в бронзе,
из чугуна пьедестал.
А не почил бы в бозе.
вряд ли бессмертным стал.

* * *

С утра сегодня на коне,
побыв вчера на муле.
Собой доволен он вполне
при нынешней культуре.

Ей на таланты наплевать —
коль есть пиар и бренды.
И графомановская рать
приносит дивиденды.

* * *

Бежит по склону лет
чужое вдохновение.
Чем ниже интеллект,
тем выше самомнение.

Поклонниц верных рать
с чужим воюет мнением,
«писаку», чтоб считать
непризнанным, но гением.

*Галина Зеленкина,
г. Козинск, Красноярский край*

ИВАН, НЕ ПОМНЯЩИЙ РОДСТВА...

«Электорату» — «профицит»
Строкой отдельной прописали.
«Трансферт» с «секвестром»,
Как санскрит,
В «медийном поле» заплутали...

Иван, наивная душа,
Мечтая быть к народу ближе,
Косноязычием греша,
Сам опускается все ниже...

Заморский слог без перевода
Заимствуя на русский лад,
Великий русский, Квазимодо,
Задушит...
И распнет, Пилат!

Александр Савостьянов

